

АННА ДЖЕЙН

Лайна
ЧЕРНОГО
ДРАКОНА

Анна Джейн

Нежеланная невеста. Тайна Черного дракона. Книга 2

<https://litres.ru/74475748>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Тайна Черного дракона» – это вторая книга фэнтези-трилогии «Нежеланная невеста».

Меня нарекли невестой наследного принца, которого я ненавидела. Я пыталась разорвать брачную клятву, но не заметила, как влюбилась.

Меня называли драконом, последней из рода Черного дракона. Я мечтала о счастье, но обрела силу.

Как принять, что любовь – это тьма, от которой звезды сияют еще ярче?

Трилогии «Нежеланная невеста» посвящена эволюции героини – принятию любви и собственного предназначения.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	20
Глава 3	30
Глава 4	43
Глава 5	61
Глава 6	77
Глава 7	94
Глава 8	114
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Нежеланная невеста. Тайна Черного дракона. Книга 2

*АсальКаримовой, которая знает
толк в хороших историях
Только во мгле воссияет звезда*

Пролог

Шарранская императорская тюрьма

В Шарранской тюрьме было несколько *особенных* камер, и каждая располагалась в отдельной высокой башне. Эти камеры больше походили на номера дорогих постоялых дворов или апартаменты высокородных, а не на места, где держали заключенных. Благородные пастельные оттенки, богатые ткани, добротная мебель. Дровяные камины, в которых горел огонь вечности. Старинные гобелены на стене. Живые цветы, которые меняли каждый день. Только потолки в этих камерах были низкими и пол не мраморным, а каменным и холодным, несмотря на мягкие шелковые ковры. Шарранская тюрьма была пропитана холодом, пробирающим до самых костей.

Заключенных в этих особых камерах и заключенными-то толком нельзя было назвать — обращались с ними как с го-

стями. Скорее это были заложники или пленники, которым не разрешалось покидать тюрьму. Они могли провести в ней годы — это была настоящая золотая клетка.

У окна одной из таких камер стояла высокая крепкая женщина с длинными темными волосами, небрежно заплетенными в косу. Она куталась в ярко-голубую накидку и равнодушно смотрела вниз, на людную набережную. Это была Алтея, известная пророчица, которая сделала самое свое великое предсказание на площади Роз и Мечей, когда в ее тело снизошла сама богиня Шиану. Она рассказала людям о том, что с Севера наступает великая тьма. Из моря Снов вышел Гость, который по велению Темного бога уничтожит и Вечную империю, и весь мир. И спасти их может лишь благословенная дочь великого бога Артеса. Алтея знала, что дочь Артеса находилась в толпе людей на площади и все слышит. И знала, что та возвысится, будто луна над землей. Но не знала, выдержит ли она предстоящую битву.

Император не хотел, чтобы пророчество стало известно народу, и нашел предлог отправить Алтею в Шарранскую тюрьму. Не как пленницу, а как гостью — по крайней мере просил так ей передать. Но Алтея не собиралась задерживаться здесь надолго. Это было слишком опасно.

Она неотрывно смотрела в окно. Несмотря на ночь, улицы были полны народу — сегодня в Небесном замке проходил бал в честь невесты принца, которой однажды было уготовано стать новой императрицей. С минуты на минуту небеса

должен был взорвать грандиозный фейерверк, и вся столица собралась полюбоваться этим зрелищем. Раздались первые громовые залпы, в небе распустились огненные цветы, и толпа внизу восторженно заревела. Однако на лице Алтеи не дрогнул ни один мускул. Фейерверк отражался в ее темных глазах, и казалось, будто ей безразлично то, что происходит снаружи. Она ждала чего-то другого. Фейерверк набирал силу, когда скрипнула дверь и раздались осторожные шаги. В камеру кто-то вошел.

— Из-за этих салютов звезд не видно. Небо всю ночь в дыму будет, — произнесла женщина, не оборачиваясь, словно зная, кто это. — Ты долго.

— Прости, Алтея, проникнуть сюда было делом нелегким, — ответил мужчина в черной одежде и в черной же маске, закрывавшей лицо.

— А выйти будет легко?

— Легко, я позаботился. Распылил полночную пыльцу и велел охране заснуть, — насмешливо отозвался мужчина. — Идем, пока охрана не пришла в себя. Времени мало.

Они направились к выходу. По пути Алтея взяла со стола фигурку Эйяны — богини надежды, дочери бога Артеса.

— Судя по состоявшемуся балу, девочка не искала меня, — обронила пророчица.

— Не искала. Возможно, еще ничего не знает. А возможно, решила следовать своей судьбе, — ответил мужчина в маске. — Поторопись.

— Она все равно придет ко мне. Рано или поздно.

Алтея обернулась, и последнее, что она увидела перед тем, как покинуть камеру, было окно. За ним в темном ночном небе было выведено имя будущей императрицы. Изабелль. Та, которая должна спасти мир. Только знает ли она, какой ценой?

Побег состоялся. Охрана пришла в себя лишь через несколько минут, но знаменитая пророчица Алтея уже покинула тюрьму и скрылась вместе со своим спасителем в неизвестном направлении.

Глава 1

Небесный дворец

В темном небе взрывались фейерверки. Один за другим они взметались ввысь и рассыпались сотнями ярких искр, оставляя за собой огненный шлейф. Я смотрела на них, стоя на одном из балкончиков рядом с Даррелом, который продолжал держать меня за руку. Он не хотел меня отпускать, да и я почему-то чувствовала себя более защищенной рядом с ним. Неподалеку от нас находились его брат и сестра — принцесса Этель успокаивала принца Винсента. А позади высились личные телохранители Даррела. Мы все делали вид, что любимся фейерверком, но каждый из нас думал об одном. О словах того сумасшедшего мужчины.

«Из моря Снов вышел Гость! Гость пришел убить нас по велению Темного бога! Этот мир погрязнет во тьме! Он обречен!»

Об этом же госте говорила пророчица Алтея на площади Роз и Мечей. Мне до сих пор было жутко, и сердце колотилось так, будто бы я долго-долго бежала. Этого ненормального, конечно же, сразу вывела дворцовая охрана, а гвардейцы позаботились о том, чтобы гости не паниковали. Было объявлено, что это саботаж бала в честь невесты принца. И если одна часть гостей поверила в это, то другая явно понимала — что-то происходит. Только что?.. С Севера действительно

наступает древнее зло? Темный бог решил уничтожить мир? Но разве это не просто легенды?

Мне хотелось убежать с бала, спрятаться, но этикет пришлось соблюдать до конца, и несмотря на страх, я вынуждена была стоять на этом эйховом балкончике и смотреть на фейерверк.

— Как думаешь, это правда? — спросила я Даррела, глядя в небо.

— Нет, это чушь, — твердо ответил он. — Кто-то просто решил испортить твой бал.

— Если что, это не я, — встряла Этель, которая слышала нас. — Я не успела придумать, как испортить тебе настроение: слишком внезапно объявили о бале.

— Вот радость, — отозвалась я. — Спасибо, что медленно думаешь.

Принц хихикнул, и принцесса тут же ткнула его локтем в бок, чтобы не забывался.

— Смейся сколько угодно, Белль, но помни: я из тех, кто умеет портить кровь другим, — рассердилась она.

— Этель, перестань, — нахмурился Даррел. — Веди себя подобающе.

— А почему ты ей замечания не делаешь? Она, между прочим, назвала меня тупой! — оскорбилась Этель.

— Я назвала тебя медленно думающей, так что ты сама поставила себе диагноз, — ответила я, позабыв про официоз. И про то, что к сестре принца нужно обращаться подоба-

юще. Я была слишком взвинчена.

— Прекратите обе, — устало попросил Даррел.

— Я слышал, когда Гость выйдет из моря Снов, настанет конец света, — сказал вдруг принц Винсент. — Тьма завладеет миром. А Вечная империя окажется первой на ее пути. Мы умрем первыми.

— Не верь слухам, — твердо сказал Даррел. — Что и завладеет миром, так это не тьма, а глупость.

Винсент неуверенно улыбнулся:

— Думаешь, брат?

— Разумеется. На Севере разгулялась нечисть. И жрицы Темного бога позволяют себе слишком многое. Они запугивают нас, но скоро будут биться в агонии. И не из-за того, что грядет тьма, а из-за клинков гвардейцев.

Его голос казался уверенным, но в то же время в глазах было что-то такое, что заставило меня напрячься. На Севере беспокойно, и все это знают. Там действительно что-то не так. Но Даррел хотел успокоить брата, и я не стала возражать.

Прогремела последняя батарея салютов, и я думала, что уже все закончено, но тут по небу кто-то невидимой рукой стал выводить золотые буквы, которые складывались в одно слово. В мое имя. «*Изабелль*». Мне стало не по себе. Это было красиво, торжественно, но отчего-то пугающе.

— А мне такого не делали, — завистливо сказала принцесса. — Смотри-ка, как ради тебя постарались, деревенщина.

Я ничего не ответила — решила, что буду выше ее. Кажется, Этель ожидала иного, а потому, поняв, что я молчу, разозлилась еще сильнее.

На этом, слава всем светлым богам, бал закончился. Небесный дворец плавно опустился на землю, и гости начали покидать его. Меня сопровождали в покои все те же придворные дамы во главе с Фэйрой, которую, казалось, ничуть не тронуло произошедшее. Напротив, она была бодра и весела. Говорила, что я в своем наряде смотрелась просто великолепно.

— От вас нельзя было отвести взгляд, ваша милость! Платье мы выбрали невероятное! — приговаривала Фэйра, уверенно ведя меня по многочисленным залам и коридорам дворца. — Не сомневаюсь, все завтрашние газеты только о нем и будут говорить! Вы задали новую моду, уж поверьте мне! «Лишь во тьме видна настоящая красота» — это лучшее, что наши портнихи могли для вас придумать! Вы были, словно звезда в ночной мгле.

— А по-моему, во всех завтрашних газетах будет написано об этом странном мужчине, который кричал о Госте из моря Снов, — вздохнула я и, обернувшись, заметила ту самую придворную даму с медно-рыжими волосами, за которую вступилась. Кажется, ее звали Лея.

Наши взгляды на мгновение пересеклись, и она тотчас опустила глаза, не смея смотреть на меня. Мне стало жаль ее. Она совсем юная, младше меня, но вынуждена терпеть

побои Фэйры.

— Ну что вы, никто о нем не узнает, ваша милость, — улыбнулась тем временем старшая придворная дама. — Да это и неважно. Сумасшедших много. И один из них решил испортить бал в вашу честь.

— Тогда напишут о том, как на балу из-за невесты принца наказали высокородных, — усмехнулась я. — Представляю, как они меня ненавидят.

— Не берите в голову, ваша милость, — отмахнулась Фэйра. — Кто-то всегда будет недоволен. К тому же низкородные придут в восторг от этой новости. — В ее голосе прозвучало высокомерие. — Гиены пируют, когда умирают львы. Шионская пословица. Слабые только и ждут, когда падут сильные.

— У вас весь мир поделен на высокородных и низкородных? — спросила я, хотя, наверное, не должна была этого делать. Но почему-то меня задело это высокомерие. Наверное, потому, что я никогда не считала себя высокородной.

— Не у меня мир поделен, ваша милость, — блеснули глаза Фэйры. — Он поделен у всех. Только не все это понимают и принимают. Но мы же с вами умнее, верно?

Она позволила себе улыбочку, которая мне не понравилась, но больше я ничего говорить не стала — к этому моменту мы подошли к моим покоям. Придворные дамы помогли мне раздеться, хотя я пыталась втолковать им, что вполне способна сделать это сама. Также они помогли умыться, привести в порядок волосы и заставили надеть кру-

жевную сорочку из тончайшего ардивейского шелка. Казалось, будто по телу струится не ткань, а лунный свет.

— Теперь мы покидаем вас, ваша милость, — сказала Фэйра. — Поскольку бал длился почти всю ночь, завтра вы сможете спать до полудня. Однако в обычные дни члены императорской семьи встают в семь утра, собираются вместе за завтраком в восемь и с девяти начинают заниматься своими делами по заранее составленному расписанию. С ним я ознакомлю вас завтра после обеда. А пока можете отдыхать. Доброй ночи. За мной, девочки.

Она уже хотела покинуть мои покои, но я остановила ее.

— Я не привыкла спать одна. Боюсь. Пусть она останется со мной, — сказала я, кивнув на пониксу Лею, которая тотчас подняла голову и уставилась на меня огромными, полными непонимания глазами.

Мне не хотелось, чтобы Фэйра наказывала ее. А в том, что она изобьет Лею, я была уверена.

— Что, ваша милость? — удивленно переспросила старшая придворная дама.

— Хочу, чтобы она осталась со мной, — повторила я. — Провидица Лея. Будет рассказывать мне сказки, пока я засыпаю. Ты же умеешь говорить?

— Умею, — с трудом разлепила губы девушка и тотчас поправилась: — Умею, ваша милость.

— Вот и отлично, — обрадовалась я и схватила ее за руку — пальцы у нее были длинные и тонкие, очень изящные. —

Лея будет спать со мной.

— Ваша милость, я оставлю вам другую девушку, — тихо проговорила Фэйра — ее ноздри гневно трепетали, но она не смела показать мне своих эмоций.

— Я хочу, чтобы осталась она. В качестве наказания, — мило улыбнулась я. — Или вы со мной не согласны?

— Согласна, ваша милость. — Фэйра окончательно справилась с собой и широко мне улыбнулась. — Надеюсь, ваш сон будет спокоен и крепок. И не беспокойтесь, вход в ваши покои надежно охраняется.

Она вышла, и остальные придворные дамы поспешили следом за ней, перешептываясь на ходу. А Лея осталась.

— Я видела тут комнату для прислуги — она сегодня будет твоей, — сказала я дружелюбно. — Вот только не знаю, где взять постельное белье. Но ведь наверняка оно должно быть где-то тут? Например, в гардеробной, как думаешь?

Я первой пошла в гардеробную, а девушка несмело двинулась за мной. Вместе мы нашли постельное белье и ночные сорочки. Лея сопротивлялась, как могла, явно боясь надеть вещь из моего гардероба, но я уговорила ее, ведь спать в бальном платье — не лучшая затея! Да и сама переоделась — спать в той дорогой шелковой сорочке было не очень комфортно. Я постоянно думала, что могу порвать тончайший нежный материал.

С размаху плюхнувшись на огромную кровать, на которой, наверное, спокойно поместились бы четыре человека, я

блаженно вытянула ноги. Бал действительно вымотал меня. И теперь хотелось просто отдохнуть.

— Хочу ореховое какао, — мечтательно потянулась я. — И печенье.

— Я сейчас все сделаю, ваша милость! — тотчас раздался голос Леи из-за двери.

Я и моргнуть не успела, как она связалась с кухней через кристалл, что висел на стене, и попросила срочно принести ореховое какао и печенье. Еще и уточнила у меня, какое именно печенье я хочу. Я так обалдела, что сказала: «Любое».

— Через четверть часа кухонные слуги все принесут, — сообщила Лея, с радостью глядя на меня.

Глаза у нее были большие, медовые и преданно-собачьи. Как будто я спасла ее не от Фэйры, а от настоящего монстра.

— Ничего себе... А так вообще можно делать? — настоятельно спросила я. Вдруг это нарушение дворцового этикета?

— Да, конечно! Вы ведь невеста принца! Вам можно все!

Слуги явились даже быстрее, и Лея, приняв у них серебряный поднос, вернулась ко мне. Ореховое какао пахло невероятно, да и печенье просто таяло во рту. По старой привычке я сидела на широком деревянном подоконнике и смотрела в небо, которое все еще оставалось темным. Звезд не было видно из-за легкой дымки, что осталась после фейерверка, и все, что мне удалось разглядеть, — далекие огни города,

потому как Небесный дворец отплыл в сторону полей.

Лея стояла, не смея садиться при мне, и я буквально заставила ее опуститься на подоконник рядом, после чего вручила ей кружку какао и печенье.

— Но, ваша милость, как я могу трапезничать с вами, — растерянно сказала она, глядя на меня все такими же большими глазами.

— Обыкновенно, — пожала я плечами. — Не думай, что я какая-то особенная. До недавнего времени я была самой обычной девушкой. Адепткой-первокурсницей. И все, что меня заботило, так это как сдать экзамен по стихийной трансформации, а потом попасть на Зимний бал. Я привыкла, что рядом со мной не слуги, а подружки. И, если честно, я очень по ним скучаю.

Я тяжело вздохнула. Как они, Дэйрил и Элли? Будет ли наше общение прежним? Кого они станут видеть во мне? Невесту принца или темную?

— Вы очень хорошая, — тихо сказала Лея. — Со мной никто так не обращался во дворце, а я служу уже два года.

— Два года? — изумилась я. — Сколько же лет тебе было, когда ты сюда пришла?

— Пятнадцать.

— Ничего себе... Как ты вообще оказалась во дворце?

— У меня обнаружили дар предсказательной магии, и отчим решил отправить меня во дворец — считается, что в свите любой девушки или женщины из императорской семьи

должна быть провидица. Я окончила школу при дворце, а потом оказалась придворной дамой невесты принца, то есть вас, ваша милость. — Лея печально вздохнула.

— Вот оно что, — кивнула я. — Ты не хотела работать во дворце.

— Нет, что вы! Это огромная честь! — заученно ответила девушка.

— А если честно? Говори прямо, я никому не скажу, — улыбнулась я.

— Если честно, я хотела бы поступить в академию магии, ваша милость, — призналась Лея. — Эверлейн я бы не потянула, но меня могли взять в другую академию, попроще... Только отчим был против. Он хотел скорее спровадить меня из дома. Но вы не думайте, — спохватилась она. — Со мной занимались во дворце и развивали дар, просто...

— Просто?

— Просто во дворце я должна прослужить не менее десяти лет. Нельзя выходить замуж, иметь детей и даже просто поехать к родным...

— Звучит грустно. Десять лет несвободы, — вздохнула я и решила подбодрить девушку: — Зато ты умеешь предсказывать будущее, как пророчица Алтея!

— Нет, что вы, — потупила взгляд Лея. — Она пророчица, а я — простая провидица.

— И в чем отличие? — удивилась я.

— Пророчицы видят далекое будущее, это великие люди

с невероятным даром. А провидицы видят будущее на два-три дня вперед. Максимум на неделю. Только, если честно, видения у меня бывают редко. Да и провидицы в свите нужны для... для наказания, — призналась Лея. — Старшая дама не может наказать госпожу и вместо нее наказывает провидицу. Потому что та не предсказала того, что произошло. Как это было сегодня.

— Вот оно что, — задумчиво ответила я и подумала про себя, что все-таки при всей утонченной роскоши дворец — жестокое место.

Вместе с Леей мы пили ореховое какао, ели печенье и болтали. Во дворце мне нужен был кто-то, с кем я могла общаться, как в прошлой жизни, — просто и без напряжения. И я была рада, что нашла Лею. В конце концов, она стала упрямить меня пойти спать, говоря, что завтра мне стоит выспаться.

— Что, день будет тяжелый? — спросила я с улыбкой.

— Во дворце каждый день тяжелый, — ответила она и замолчала, поняв, что сболтнула лишнее. — Госпожа Фэйра будет недовольна, если вы не выспитесь.

— Обязательно выплюсь, — пообещала я и направилась в спальню.

Лея сопровождала меня — загасила магические светильники, прикрыла мне ноги одеялом, хоть я и не просила ее об этом.

— Доброй ночи. И спасибо за все, ваша милость, — тихо

сказала она прежде, чем выйти.

— Не за что, — улыбнулась я. — Можешь называть меня Белль. «Ваша милость» звучит весьма утомительно.

— Хорошо, ваша милость... то есть Белль, — поправилась Лея и выскользнула за дверь. А я, прикрыв глаза, почти мгновенно провалилась в сон — слишком много всего произошло за эти день и ночь.

Глава 2

С пальцев Даррела сорвался ледяной вихрь, пронесся через всю комнату и попал в учебную иллюзию нечисти, которую ученые обычно классифицировали как упыря первородного второго класса. Нечисть беззвучно взревела и растворилась, но на ее месте возникла новая иллюзия, более свирепая и верткая. Даррел метко ударил ледяным вихрем и по ней, а потом еще по одной нечисти, и еще, и еще... Обычно это было частью его тренировки как боевого мага, но сейчас наследный принц просто пытался успокоиться и монотонно посылал заклятие за заклятием.

Вид у него был встревоженный, а глаза метали молнии. На балу Даррел старался выглядеть спокойным, но на самом деле внутри бушевало ледяное пламя. И причин тому было три. Первая — ненормальный, кричавший в Мраморном зале о приближении тьмы и конце света. Вторая — отец, который не взял Даррела с собой на допрос, видимо, посчитав, как обычно, что он этого не достоин. Третья — его драгоценная невеста.

Еще один ледяной вихрь, и еще, и еще... Простой маг давно бы уже истощил свои запасы, но не Даррел — его магический потенциал был огромен, и в резерве всегда находилось много магии. Всегда, за исключением Костяного леса, где он ослаб из-за отсутствия потоков светлой магии. Должно быть,

Белль посчитала его слабаком. Как и отец.

— Я не слабак, — прорычал Даррел и отправил в очередную иллюзию нечисти такой мощный вихрь, что задрожали стекла. Арт и Кэлл, развалившиеся на мягком изогнутом диване, с удивлением на него посмотрели.

— Ты в порядке, Дар? — спросил Арт.

— В полном, — отмахнулся принц и закатал рукава белоснежной рубашки до локтей.

— Уверен? — отпил мятного чая телохранитель. В кои-то веки в его руке вместо оружия была чашка. Сам он откинулся на мягкую спинку, распущенные волосы падали на плечи.

— Оставь меня в покое, — поморщился Даррел.

— Наша принцесса капризничает, — хмыкнул Кэлл и тут же получил от Даррела простенькое заклятие. Однако сумел вовремя поставить щит, и оно, ударившись о невидимую преграду в воздухе, растворилось.

Серый дроу ехидно улыбнулся и запустил в принца ответным заклятием — они часто перебрасывались ими. Разумеется, Даррел легко отразил его, но это было ошибкой. Едва он это сделал, как заклятие Кэлла вспыхнуло искрами, и под потолком засияла надпись: «Я большой взбешенный дракон».

Даррел выразительно посмотрел на обоих. Арт и Кэлл весело засмеялись. Оставаясь наедине с Даррелом, из суровых телохранителей они превращались в его единственных друзей, с которыми он воспитывался с самого детства.

— Идиоты, — поморщился принц, сам с трудом сдержав смех.

— Успокойся, сядь, — улыбнулся Арт. — Как говорится, в ногах правды нет.

— Правды вообще нигде нет, если ты не заметил, — хмыкнул Даррел, плюхаясь между друзьями.

— Знаем-знаем, этот мир пропитан ложью, а ложь — кровь Темного бога, которую испил каждый живущий, — отмахнулся Кэлл, сидя на диване с ногами и продолжая чистить кинжал. Как и Арт, он был расслаблен и напоминал сейчас не грозного война, отнимающего жизни, а хрупкого паренька с платиновыми волосами, бронзовой кожей и хорошеньким личиком. Его выдавали лишь лиловые глаза дроу.

— Что тебя тревожит? Сумасшедший с воплями о Госте или высокородные, которые смели обсуждать твою невесту? — прямо спросил Арт.

— Мне плевать, кто и что про нее говорит, — вскинулся Даррел.

Парни снова расхохотались. Они знали, что это ложь. И Даррел знал. Только упрямо не хотел признавать.

— Мы помним, как тебе было плевать, — закивал Арт. — Ты их чуть было не поубивал ледяными кнутами. Истинное проявление безразличия.

— Думай, что хочешь, — отмахнулся Даррел.

— О, ты не понял, друг мой. Наш принц злится, потому что довел невесту до слез, — с милой улыбочкой сообщил

Арту Кэлл. — Неужели она так не рада свадьбе?

— Должно быть, она единственная во всей империи, кто не хочет стать женой наследного принца, — хмыкнул тот.

— Бедный Дар.

— Нам так тебя жаль...

— Идите к эйху, — посоветовал друзьям принц.

— Зато он успокоил ее поцелуем, и, кажется, ей понравилось, — продолжал Кэлл. — Эй, Расскажи, как целуется Белль?

— Потрясающе, — раздраженно ответил Даррел.

— Лучше, чем Ева? — спросил Арт.

— Наверняка лучше. Целоваться со змеями — не самое приятное, что может быть, — усмехнулся Кэлл.

Ева Шевер никогда ему не нравилась. И то, что принц начал тайно встречаться с ней, его напрягало. А вот Белль нравилась ему куда больше. Она была искренняя, а Кэлл чуял искренность, как пес — зарытые в земле кости.

— Да заткнетесь вы или нет? Меня тревожит не это. Меня тревожат слова того психа.

— Веришь в то, что с Севера грядет тьма? — спросил Арт.

— Я верю в новый заговор, — неожиданно серьезно ответил Даррел. — То, что устроил мой милейший дядя, было прикрытием для чего-то более серьезного.

О том, что его беспокоит и Белль, Даррел ничего не сказал. А что он мог сказать друзьям? Что все время думает о ней? Что не хотел, чтобы она плакала, танцуя с ним? Что едва

не сошел с ума, целуя ее и прижимая к себе? Он не мог признаться им в этом. Он даже себе не мог в этом признаться.

Спустя пару часов в покои Даррела заглянул глава тайного отдела Элиот Ворн, которого принц с детства привык называть дядей Элиотом. Это был невыразительной внешности человек, который везде мог бы сойти за своего, главное — одеться соответственно. Его лицо было незапоминающимся, рост средним, а сложение худощавым. Только вот глаза были необычными — небольшие, почти черные, внимательные. Если взгляд императора был тяжелым, как молот, то взгляд главы тайного отдела — острым, как нож. Оставшись с Даррелом наедине и расположившись напротив, Элиот коротко сообщил новую информацию, которую удалось получить:

— Этот человек оказался одним из сотрудников кухни. Он был одержим, но сейчас пришел в себя. Ничего не помнит. Мы начали расследование. Его величество не хотел сообщать никому из семьи, но я все же скажу тебе — в море Снов зарегистрировали мощную магическую вспышку. Пытаемся выяснить, что это.

— Думаешь, пробудился сын Темного бога? В древних пророчествах он спит на дне моря Снов, — задумчиво произнес Даррел.

— Если бы это было так, мы бы уже увидели его, — усмехнулся Элиот. — Сын Темного бога — Кровавый дракон, чья мощь настолько велика, что пропустить его появление в нашем мире было бы очень сложно. Если бы он восстал, Веч-

ная империя бы уже погружалась в хаос. А следом за ней — остальные страны. Нет, Кровавый дракон спит. Но у меня есть версия, что кто-то смог пробудить его первую форму.

Эти слова прозвучали зловеще.

— Первую форму? — недоверчиво переспросил Даррел.

— Человеческую?

— Верно.

— Этого не может быть. Невозможно!

— Говоришь, как твой отец, — усмехнулся глава тайного отдела. — Вы очень похожи в своей категоричности, не находишь?

— С чего ты вообще взял, что кто-то пробудил его первую форму? — продолжал Даррел встревоженно.

— Один из моих агентов в «Стальной розе» сообщил, что высшие жрецы готовят что-то странное. И это связано с Гостем из моря Снов. Но вот что именно, узнать не удалось. Затем он перестал выходить на связь. Подозреваю, его убрали, — будничным тоном произнес глава тайного отдела, для которого смерти были делом частым, почти привычным. А вот Даррел нахмурился.

— Если это так, то слова пророчицы Алтеи кажутся не таким уж безумными.

— Как и твоя женитьба на Изабелль Ардер. Признаюсь, я восхищен ее дедом — он умудрился спасти внучку от демона хаоса. Да и внучкой я восхищен, хотя лично мы и не знакомы. Все-таки мощь Черных драконов не оспорить, — потер

подбородок Элиот, внимательно при этом глядя на Даррела.

— Она спасла мне жизнь, хотя казалась испуганной и хрупкой, — неожиданно сказал тот со странной улыбкой. — Я нес ее на руках в Костяном лесу, потому что боялся — вдруг упадет и переломает ноги в сугробах? А она спасла меня от колдуна и волколаков. В ней действительно что-то есть.

— Ты восхищен ею? — с любопытством переспросил Элиот.

— Что? Я? Глупости.

— Или влюблен?

— Дядя Элиот, этот вопрос неуместен, — посерьезнел Даррел.

— Что же неуместного в том, что юноша влюблен в девушку? — рассмеялся глава тайного отдела. — Причем в такую красивую. Не разбираюсь в женской моде, но в своем сияющем платье Изабелль выглядела великолепно. Похожа на мать. Признаюсь честно, в свое время я испытывал к ее матери чувство влюбленности и был разочарован выбором. Что ж, такова жизнь. Те, кого мы любим, любят других. И не замечаем тех, кто любит нас.

— Мать Белль отвергла тебя? — почему-то развеселился Даррел.

— Нет, все было куда скучнее — она меня просто не замечала. Тебе повезло, что твоей невестой оказалась такая девушка, как ее дочь.

— Может быть. Но характер у нее ужасный. Она такая ми-

лая с виду, но говорит все, что взбредет ей в голову, — поделился принц. — Однажды она назвала меня недостойным.

На его лице появилась странная улыбка.

— Но, глядя на тебя сейчас, думаю, эта любовь искренняя, — зачем-то сказал Элиот. — В отличие от другой.

— О чем ты? — нахмурился принц.

— Ева Шевер. Ты действительно ее любил? — Голос Элиота был таким, будто он знал гораздо больше, чем говорил.

Даррел хотел задать ему несколько вопросов, но их прервали. В покоях появился личный секретарь Элиота, который, поклонившись принцу, принялся что-то шептать на ухо главе тайному отделу. Выражение лица у того оставалось невозмутимым, но по тому, что Элиот несколько раз перевернул перстень на указательном пальце, Даррел понял — что-то случилось.

— Что? — только и сказал он, когда секретарь удалился.

— Пришло сообщение из Шарранской тюрьмы. Побег, — коротко ответил Элиот.

— Кто сбежал? — отрывисто спросил Даррел.

Шарранская тюрьма славилась тем, что в ее камерах содержались самые опасные преступники со всей империи. Она надлежащим образом охранялась, и побегі были крайне редки. Последний — лет десять назад, не меньше.

— Алтея. Пророчица. Та, которая, по свидетельствам очевидцев, говорила от имени богини Шиану. Интересно складывается картина. Что ж, думаю, мне пора. Спасибо за бесе-

ду, Даррел. Всегда приятно встретить тебя.

Элиот встал и коротко склонил голову, выражая почтение наследному принцу. Тот тоже поднялся на ноги.

— Дядя Элиот, почему ты всегда рассказываешь мне все?
— спросил он. — Отец молчит, а ты говоришь.

Темные глаза сверкнули в ярком свете огней, зависших под потолком.

— Потому что я не забочусь о тебе так, как заботится он,
— ответил мужчина.

— В каком смысле?

— Твой отец бережет тебя, даже если тебе кажется, что это не так. А я не берегу. Ты будущий правитель, и я считаю, обязан быть в курсе всего.

Его ответ заставил Даррела нахмуриться. Он то ли не верил словам Элиота, то ли не хотел верить.

— Что ж, мне действительно пора. Ах, да, совсем забыл. Поздравляю с будущей свадьбой. Я действительно за тебя рад.

Похлопав Даррела по плечу, глава тайного отдела ушел, оставив принца в задумчивости. Он стоял неподвижно почти минуту, после чего резко направился в спальню. Расстегнул белоснежную рубашку, кинул в кресло, а сам, обнаженный по пояс, лег на кровать. Раскинул руки в стороны, прикрыл глаза и вдруг подумал — хорошо бы рядом была Белль. Лежала бы с ним на прохладных простынях, согревая теплом своего тела, говорила бы глупости, а он бы слушал ее и гла-

дил по мягким волнистым волосам.

Он все еще не мог забыть их поцелуя, от которого по телу волнами расползалось желание обладать той, которую он так ненавидел. Нужно было думать совсем о другом, о политике, о том, что происходило на Севере, о побеге из Шарранской тюрьмы, в конце концов, а он думал о Белль. И заснул с мыслями о ней.

Раньше ему часто снились кошмары — будто что-то темное овладело его сущностью, и каждый раз Даррел просыпался в поту. Однако теперь плохие сны оставили его. А почему, он и сам не знал.

Глава 3

На следующий день после бала я впервые прочитала статьи о себе. После обеда Фэйра с торжествующей улыбочкой принесла прессу — подозреваю, тщательно отобранную. Это были лучшие столичные газеты и посвященный мне спецвыпуск журнала «Золото», который считался законодателем моды. Мое платье действительно произвело фурор — его обсуждали с восторгом и трепетом, а фотографии, на которых мы с Даррелом танцевали в воздухе, выглядели потрясающе. Я смотрела на себя — на чужую себя — и не узнавала. Будто это была не я, а какая-то другая Белль, красивая и грациозная. А вот на фотографии, где мы с принцем целовались, я смотреть не могла. Меня тут же одолевало смущение и мысли: «Зачем я это сделала?!».

Я до сих пор помнила мелодию, которая вызвала в моей памяти эпизод с родителями, и понимала, что Даррел хотел успокоить меня. Я была благодарна ему за это — слезы ведь действительно высохли. Поцелуй-спасение с привкусом сухого вина на губах навсегда остался в моем сердце. Стал особенным воспоминанием. Волнующим и нежным. Но я не хотела признавать притяжение к Даррелу. Это было сродни признанию поражения. Чувства к принцу пугали. И я старалась гнать мысли о нем подальше.

Зато в газетах и журналах все наперебой писали, что мы

чудесная пара. Красивая, эффектная и влюбленная. О том, что я темная (светлая Тэйла, никак не привыкну к этому!), упоминали лишь вскользь, рассказывая, что я — последняя представительница рода Черного дракона, которая пропала пятнадцать лет назад после нападения демона и чудесным образом нашлась. Мою историю преподносили как современную сказку о Линь¹, и, хотя я любила Линь за отвагу и доброту, меня это порядком раздражало. Ведь газетчики не знали, как все было на самом деле. Они писали, что до восемнадцати лет я жила в Северной провинции как обычная девушка, небогатая, но усердная, имела невысокий магический потенциал и «вполне определенное, но серое будущее, лишенное возможностей проявить себя». Так написал какой-то умник из «Столичной жизни». А потом мне вдруг стало известно, что я высокородная, богатая и могущественная. К тому же еще и невеста принца! И мое будущее из серого стало радужным! Я знала, что народ любит такие истории. Положа руку на сердце, я и сама любила. Но одно дело, когда ты читаешь об этом в газете, а другое — когда ты и есть главная героиня, которой приписывают то, чего не было.

Кроме того, все обсуждали и наказанных высокородных, которые говорили обо мне гадости. Тут героем выставляли

¹ Сказка о Линь — известная древняя шианская сказка о доброй и красивой девушке по имени Линь, которую злая мачеха продала в рабство разбойникам. Однажды разбойники привезли в лагерь пойманного принца, и Линь, влюбившись в него, помогла ему сбежать. Вернувшись во дворец, принц взял лучших воинов и поехал вызволять Линь из рабства, чтобы сделать своей женой.

Даррела, который заступился за свою невесту. Этой новостью дворец добился двойного эффекта — высокородные поняли, что императорская семья настроена решительно, а народ остался доволен тем, что наглецов наказали. Многие недолюбливали высокомерных сынков из богатых семей, которые считали, что вправе творить все, что пожелают.

Фэйра заметила вскользь, что эти новости перекрыли все нежеланные последствия. О ненормальном, который ворвался в Мраморный зал и кричал о приходе тьмы, не было ни слова. Однако я понимала, что все не может быть так гладко, поэтому тем же вечером попросила Лею тайно добыть мне других газет, и она согласилась, хотя и не сразу. Прессу она принесла разную — и сегодняшнюю, и старую, и я с замиранием сердца принялась читать ее. Я понимала — та информация, которую найду, будет не самой приятной, ведь не зря в Доме у озера меня так старательно ограждали от прессы, а во дворце принесли лишь определенную. Но я хотела знать, что происходит на самом деле. Жить в иллюзии того, что все замечательно, было страшно.

О себе я действительно нашла много интересного. И читала, стиснув зубы. В некоторых изданиях, по большей части желтых, мою жизнь разбирали едва ли не по дням. Внешность, характер, учеба, магические сила и потенциал — прошли по всему. Меня выставляли по-всякому:

«Серая мышь узнала о том, что является графиней и наследницей дома Черного дракона прямо на Зимнем балу! Мы

поговорили с некоторыми знакомыми будущей императрицы и выяснили о ней всю правду!»

«Простушка во дворце! Вчера — обычная девчонка без денег, связей и магии, сегодня — невеста принца. Среди высокородных ходят слухи о том, что его высочество околдован!»

«Типичная беспринципная охотница за деньгами, несмотря на юный возраст. По достоверным данным из академии магии Эверлейн, Изабель А., известная как невеста принца, сначала встречалась с другим представителем императорской семьи — кузеном его высочества Эштаном де Лоран, темным магом...»

Разумеется, газетчики прошлись и по моему темному дару. И сделали это с огромным удовольствием, нередко приписывая странные гипотезы, ведь об истинной причине нашего с Дарреном будущего брака они ничего не знали.

«Будущая императрица обладает темной магией! Неслыханное дело! Наследный принц бросил лучшую адептку академии магии Эверлейн ради темной! Свадьба уже скоро!»

«Никогда прежде в императорской семье не было темных магов. Чем это грозит для империи? Кризисом? Развалом? Или гибелью? Как известно, темная магия не приносит ничего хорошего, и появление темной в Небесном дворце усугубит отношение народа к императору».

«Удивительно, но факт — на севере империи активизировалась нечисть, пророчица Алтея говорила о наступлении тьмы, недавно во дворце был раскрыт заговор, а принц

тем временем женится на темной магине. В высших кругах ходят слухи о сговоре против императорской семьи. Но некоторые наши эксперты предполагают, что это попытка императора договориться с темными магами, которые медленно оккупируют империю и захватывают власть».

Газетчики писали обо мне и о моих близких без зазрения совести. Где-то они недоговаривали. Где-то откровенно при-
вирали. Где-то утрировали.

Широко раскрыв глаза, я смотрела на собственную фотографию школьных лет, на которой корчила рожицы, не понимая, откуда они вообще взяли этот раритет. Наверное, кто-то из подружек отдал... Или продал. Кроме фотографии я нашла статью на несколько полос «Вся правда о темной невесте принца». Там писали о том, какая я плохая, и в качестве доказательства приводили интервью с несколькими незнакомыми девушками, назвавшимися моими одноклассницами. По их словам, я была мерзкой и наглой девицей, которая портила всем жизнь. Оскорбляла, забирала деньги и даже била. А в конце этой статьи было написано, что я — убийца. Сначала я даже не поняла, что это обо мне. И едва не закрыла газету. А потом снова открыла и перечитала.

«Ко всему прочему, ходят упорные слухи о том, что Изабелль Бертейл, ныне Изабелль Ардер из дома Черного дракона виновна в гибели адептки академии магии Эверлейн. Напомним, что в Ночь зимнего свершения погибла одна из первокурсниц NN (имя мы разглашать не вправе). По официаль-

ным источникам, это произошло во время нападения нечисти на академию во время Зимнего бала. Однако, по неофициальным данным, за несколько часов до гибели NN поссорилась с Изабелль. Ссора переросла в драку, во время которой пострадали еще несколько адептов-старшекурсниц. Предполагаем, что причиной ссоры стала кража драгоценностей у NN, которые нашли в комнате Изабелль, то есть поймали с поличным. Очевидцы сообщили нам, что Изабелль обещала отомстить NN, после чего ее нашли мертвой. Также нам стало известно, что за свое недостойное поведение Изабелль получила Черную метку, которую дают лишь самым ужасным адептам академии, чье поведение пугает и отталкивает. Многие граждане империи недовольны выбором невесты для всеми любимого принца Даррела. И дело не в том, что Изабелль обладает темной магией. А в том, что ее обвиняют в воровстве, насилии и даже убийстве. Однако эти факты старательно скрываются, и нам остается только гадать — умалчиваются они от императорской семьи или только от народа?»

Дочитав статью, я просто без сил опустилась на диван вместе с газетой, глядя в одну точку на стене и не слыша, как меня зовет Лея. И дело было не только в гадких обвинениях. Хэлли. Она... погибла? Ее имя не называют, но ведь речь явно идет о ней. Почему я об этом ничего не знаю? Почему меня обвиняют в ее смерти?

Мы никогда не были близкими подругами, и, надо при-

знать, я была зла на нее после того, как она дважды предала меня, чтобы попасть в Клуб избранных, но я никогда не желала ей смерти. Я не хотела, чтобы так случилось. И я ничего ей не делала. Ты должна быть сильной, сказала я себе. Ты должна быть сильной, ты должна...

Внезапно газету вырвали из рук — передо мной стоял Даррел и сердито смотрел на меня. Он все понял. И почему-то злился — я видела это по его глазам. Лея пыталась мне сказать, что его высочество пришел, но я, поглощённая своими мыслями, не слышала ее.

— Зачем ты это читаешь? — только и спросил Даррел.

— Хотела знать правду, — ответила я тихо.

— Правды не существует, — отрезал он. — У каждого она своя. Разве не ясно?

— Я не знала, что обо мне пишут. И я не знала, что Хэлли... Что ее больше нет.

Я запустила пальцы в волосы. Меня била дрожь, и хотелось плакать, но я сдерживала себя. Если Даррел снова увидит, что я реву, точно решит, что я слабая.

— На нее напала нечисть во время бала. В ту самую ночь, — ответил Даррел с неожиданной грустью в голосе. — Это большая утрата. Мне жаль, что я был там и не смог ее защитить. Я многих не смог защитить, — вырвалось у него, и я вдруг поняла, что он до сих пор переживает.

Еще в Костяном лесу Даррел упомянул об этом — о том, что имеет огромную силу, но не всегда может ею воспользо-

зоваться. Я заглянула ему в глаза и увидела печаль. Искреннюю и глубокую.

— Мне всегда приходится уходить, — повторил Даррел сквозь зубы, а после, словно придя в себя, добавил: — Ее проводили достойно, не переживай.

Ее — это Хэлли....

— Они пишут, что это я могла убить ее, — потерянно сказала я, все еще не веря в смерть девушки.

Даррел сел рядом и успокаивающе коснулся моего плеча.

— В подобных газетах могут писать все, что угодно. Обо мне однажды писали, что я влюблен в младшего принца империи Шио, с которым вместе учился в Сэйферил, — сказал он.

— И что, правда был влюблен? — улыбнулась я через силу.

— Разумеется, нет. Признаться честно, мы друг друга на дух не переносили, — рассмеялся Даррел. — Так что писать о тебе будут все, что угодно. Будет неприятно и даже больно. Ты будешь чувствовать негодование и ярость. Но теперь ты должна держаться, поняла?

— Поняла, — ответила я.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Он вдруг ободряюще улыбнулся и стал собирать разбросанные по всему дивану газеты и журналы, которые я читала. А я вдруг поняла, что чувствовал он, когда газетчи-

ки узнали о нем и Еве. Тогда для меня Даррел был злодеем номер один и скорее не живым человеком, а абстрактным образом. Недостигаемым принцем, у которого, в отличие от меня, не было никаких проблем. Наверное, он чувствовал глухую ярость из-за беспомощности, и потому вел себя столь несдержанно по отношению ко мне. Я не оправдывала Даррела, но стала лучше понимать его поведение.

Какое-то время мы просто сидели рядом. Я приходила в себя, а он просматривал газеты, многозначительно хмыкая, а потом вдруг одним движением рук превратил их в бумажных птиц, которые, весело вереща, разлетелись по комнате.

— Ты чего? — удивленно спросила я, оглядываясь по сторонам.

— Чтобы ты больше не читала разную ерунду.

Мне сложно было удержаться от улыбки.

— А зачем ты пришел ко мне? — поинтересовалась я.

— Разве у меня должен быть повод, чтобы прийти к своей ненаглядной невесте? — весело спросил Даррел. — Может быть, я пришел за продолжением.

— Каким еще продолжением? — недоуменно посмотрела на него я, а он вместо ответа коснулся указательным пальцем моих губ и тотчас получил шлепок по ладони — я автоматически ударила его. Растерялась, поняв, что он намекает на поцелуй. Даррел довольно улыбнулся.

— Я ведь был первым? Первым, кого ты поцеловала? — спросил он.

— Нет, — вздернула я подбородок. Еще чего, буду я признаваться ему, что он украл у меня первый поцелуй!

— Первым, я же знаю, — не поверил Даррел. — Но знаешь, для первого раза вышло неплохо. Ты меня впечатлила.

— А ты меня — нет, — отрезала я.

— Опять ложь, — сказал он и вдруг взял меня за руку, переплетая свои пальцы с моими. — Я знаю, тебе понравилось.

— У тебя самомнение размером с солнце, — хмыкнула я и попыталась высвободить руку. Не получилось. Впрочем, и пыталась я вяло. Мне нравилось чувствовать прохладу его рук. Становилось спокойнее.

— Я уеду на несколько дней. В Алейское герцогство, — сказал Даррел. — Пришел сказать тебе об этом.

— Зачем? — удивилась я.

Алейское герцогство, небольшое, но гордое, граничило с империей на юго-западе, занимая часть Лирского полуострова. Оно славилось прекрасной архитектурой и вкусной кухней.

— От имени отца поздравить нового герцога. Не скажу, что мне хочется туда лететь, но отец настаивает. После того, как я вернусь, мы отправимся в академию. Ты будешь скучать? — вдруг задал странный вопрос Даррел.

— Нет.

— Я тоже. Хорошо себя води. И больше не плачь.

Он отпустил руку и коснулся моих распущенных волос. Поправил их, аккуратно заведя прядь за уши, и ушел, оста-

вив меня в оцепенении.

— Ваша милость, что случилось? — спросила меня Лея, которая тотчас появилась рядом. — Вы в порядке?

— Да, в порядке, — медленно ответила я. — Пора спать, верно?

Только вот сразу заснуть не удалось. Я думала то о Хэлли, то о статьях в газетах, то вдруг вспоминала прикосновения Даррела. Я очень хотела повторить поцелуй-спасение. И мне не нравилось, что меня начинает тянуть к принцу с такой большой силой.

А ночью мне снился странный сон. В нем я была один на один с Хэлли в той самой аудитории, куда меня заманили. Она лежала у моих ног и плакала. А я будто была собой и не собой одновременно. Что-то во мне изменилось, но что?..

— Ты ведь дракон, да? Что ты со мной сделаешь? Что?.. — спросила Хэлли, со страхом глядя на меня.

— Ты меня предала. Зачем? — спросила я незнакомым голосом.

— Прости, прости меня, Белль, прости! Отпусти меня, умоляю!

— Ответь на вопрос. Зачем ты предала меня?

В моих глазах за клубилась тьма — я ничего не видела, кроме нее, и с трудом разбирала звуки. Последним, что я четко слышала, был обреченный вопрос Хэлли:

— Ты... Ты убьешь меня?

«Я не убийца!» — хотелось прокричать мне, и я просну-

лась, пытаясь отдышаться. Стояла ночь. Темная зимняя ночь. Холодная и спокойная. Безмятежная. Я подошла к окну и увидела, как от Небесного замка отплывает знакомый крылатый дирижабль компании «Вайс» в сопровождении гвардейцев крылатого полка на летающих ящерах. Бело-синий имперский флаг развевался на ветру, а глаза ледяного дракона на внешней оболочке каркаса блестели под лунным светом. Значит, Даррел улетал сегодня. Это был его дирижабль. Я проводила дирижабль взглядом, чувствуя сожаление из-за того, что он покинул Небесный дворец.

Переведя взгляд далеко на север, куда сейчас выходили окна моей спальни, я заметила несколько тусклых звезд. Возможно, одна из них — звезда Хэлли. К глазам снова подступили слезы. Великая богиня², пусть искра жизни Хэлли скорее достигнет своей звезды. И пусть великая светоносная богиня Агари³ и тени судьбы подарят ей лучшее перерождение или мир бесконечного блаженства.

Думая о Хэлли, я зажгла лавандовые свечи на подоконнике в знак своей скорби. Я больше на нее не злилась. Лишь

² Великая богиня (Рэй) — богиня смерти и тишины, входит в Высший божественный круг. Младшая сестра богини судьбы Агари. Ее помощники, жнецы, забирают искры жизни и помогают им добраться до своих звезд.

³ Агари (светоносная богиня) — богиня судьбы, старейшая из богов. Ей подчиняются звезды, каждая из которых хранит в себе чью-то судьбу. Считается, что после смерти искра жизни покидает тело и оказывается на своей звезде, где помощники Агари, тени судьбы, решают, каков будет дальнейшие пусть искры — перерождение, вечное забвение или мир бесконечного блаженства.

сожалела, что все так вышло.

Глава 4

В Небесном дворце я пробыла больше недели, но за это время устала так, будто пахала у бабушки на огороде без сна и отдыха. Быть невестой принца оказалось очень утомительно. Кажется, я даже начала понимать, почему у Даррела был такой тяжелый характер — его с самого детства так муштровали.

Буквально каждый час всех членов императорской семьи был расписан. Письма, документы, встречи, приемы, поездки — все было распланировано заранее. Даже на отдых отводилось специальное время! За все это в свите каждого члена семьи отвечал специально обученный человек. В моей свите это была правая рука Фэйры Эмилия, и она постаралась впихнуть в мое расписание как можно больше часов, посвященных учебе. Да-да, именно учебе — этикету, литературе, всемирной истории, древней истории, новейшей имперской истории, дипломатии... Также я должна была изучать другие языки, но обучение им планировалось начать уже в академии. Меня собирались обучать по индивидуальной программе, и я уже представляла себе, как мой учебный день начинается до зари, а кончается после полуночи.

Вставала я в половине восьмого утра, пила целебный напиток из трав и ягод, который для меня готовили на императорской кухне, делала комплекс специальных упражнений

под руководством одной из придворных дам, приводила себя в порядок с помощью двух других, а к девяти отправлялась на завтрак.

Трапезы членов императорской семьи также были четко расписаны. Завтрак был совместным. Он проходил на Жемчужной веранде, застекленной с трех сторон и полной холодного утреннего света. Еда оказалась не такой роскошной, как ее описывали в некоторых газетах. Никаких изысков вроде стейков из мраморной говядины с соусом из алейских ягод, мальков стеклянных угрей, пирогов с белыми трюфелями или закусок с черной икрой. Даже мороженого с золотом не было, а уж сколько писали раньше, что это любимое лакомство императрицы! Еда на императорском столе была обычной — хлопья, каши, мюсли, бекон, яйца, тосты, блинчики, фрукты. Разве что посуда была роскошной, и первое время я боялась, что могу случайно что-нибудь разбить. А еще мне было неудобно из-за того, что я даже сок сама себе не могла налить — за каждым сидящим за столом ухаживал определенный лакей.

Сидя на высоких стульях, можно было рассматривать столлицу, над которой зависал Небесный дворец, или разглядывать проплывающие мимо дирижабли. Но, надо признаться, я больше посматривала на императора и императрицу, до сих пор сама себе не веря, что могу находиться с ними за одним столом.

Император сидел во главе огромного мраморного стола,

почти не разговаривал и прямо за завтраком изучал документы из алого портфеля. Так назывался особый портфель, в котором лежали важные отчеты и донесения, которые он получал от своего первого помощника. Также его величество получал газеты для изучения, где второй помощник подчеркивал особо важные статьи. Во время завтрака император почти не разговаривал и удалялся первым — дальше заниматься государственными делами. Императрица же, напротив, поддерживала легкую беседу с детьми и со мной. Каждое утро она выглядела так, будто собирается на бал, — красивая, ухоженная, со вкусом одетая. Мне сложно было даже предположить, во сколько она вставала, чтобы привести себя в порядок.

Этель и Винсент с утра были сонными, почти не ели и вяло переговаривались, хотя изредка принцесса корчила мне надменные рожицы. Я делала вид, что не обращаю на это внимания, однако пару раз в отместку умудрилась подогреть ей кофе в чашке, и Этель обожгла язык. Заметив мой ехидный взгляд, она, не удержавшись, выругалась, за что получила выговор от матери и неодобрительный взгляд от отца.

После завтрака у меня начиналась учеба и длилась до самого обеда. Занятия проходили в специальном классе в одной из башен дворца, и учителей у меня был целый штат. Я сидела за партой перед огромной доской и пыталась запомнить все то, чему меня учили, хотя отчаянно хотела спать. Рядом сидела Лея, которую я самовольно к огромному недо-

вольству Фэйры назначила своей личной помощницей. Я не отпускала Лею от себя ни на шаг. Во-первых, мне хотелось защитить ее, во-вторых, она знала о дворце почти все и давала мне ценные советы, а в-третьих, я переставала чувствовать себя одинокой, перед сном болтая с ней о глупостях. Я планировала забрать ее с собой в академию и надеялась, что все получится.

После занятий начинались танцы — со мной занимался сам Вилль Авайн, светлый эльф, один из самых известных танцоров империи и за ее пределами, чьими предками были таинственные боевые танцоры. Он был высок — выше на голову большинства мужчин, имел прекрасную фигуру и двигался так, будто был призраком. Беззвучно и легко, словно плывя по воздуху. Его платиновые волосы неизменно были заплетены в косу, а в розовых глазах всегда горело воодушевление. Танцы были для него всем: работой, хобби, душой... Однако глядя на меня, стоящую в паре с партнером, Вилль только вздыхал. Видимо, двигалась я совсем не так, как бы ему хотелось. Впрочем, ни слова упрека от известного танцора я не услышала. И старалась, как могла.

После танцев у меня было так называемое свободное время, выделенное, как было написано в расписании, для занятий творчеством, лицезрения природы и медитаций. Я могла гулять по саду, который даже зимой оставался летним, читать и заниматься живописью или музыкой. Однако чаще всего я брала книгу для отвода глаз и вместе с ней засыпала

на садовых качелях. Лея будила меня к ужину, который порой проходил в компании императрицы, а порой в одиночестве, а затем я принималась за домашние задания. Я очень скучала по урокам практической магии и, кто бы мог подумать, даже по старому доброму магистру Бейлсу. Однако магией я должна была заняться уже в академии. И очень сильно хотела вернуться.

А еще я немного скучала по Даррелу. Иногда вспоминала, как увидела его полуобнаженным, когда он тренировался на морозе. А иногда — как мы целовались на балу. Это воспоминание заставляло щеки гореть, а губы — подрагивать, и я тотчас начинала кусать их, пытаясь отогнать смущение. Правда, внутренний голос начинал ехидничать и говорить, что вообще-то Даррел мой будущий муж, чего это я смущаюсь? Пора привыкнуть к нему.

Мысль о том, что мы скоро поженимся, заставляла нервничать. Вся моя жизнь пошла не по плану! Но в тот момент, когда мне хотелось бросить все к эйховым псам и сбежать из дворца, я вспоминала историю своих родителей и деда. И понимала — я не имею права отступить. Я должна исполнить их волю.

Иногда я думала об Эштане. Мы больше не виделись, но я продолжала переживать. Внутри сидело чувство вины перед ним, хотя я не сделала ему ничего плохого, ведь сама в некотором роде стала жертвой обстоятельств. Мне просто хотелось, чтобы такой хороший парень, как он, был счастлив.

А еще я вспоминала бедняжку Хэлли. В один из дней мне удалось получить разрешение от императрицы покинуть Небесный дворец и побывать в одном из Звездных храмов великой богини смерти. Там я зажгла свечи для тех, кто меня покинул.

Лавандовую — для Хэлли.

Хвойную — для дедушки Виктора.

Древесно-пряную — для папы.

И с ароматом ежевики и полевых трав — для мамы. Я была уверена, что ей понравится этот аромат.

Я мысленно просила небо подарить им посмертное счастье, и звуки певучей арфы наполняли меня грустью. В какой-то момент я поняла, что по залу ползет сизая дымка. И из нее выходит женский силуэт с распущенными волосами. Лицоне видно — лишь сверкающие алые глаза. Моя тьма. Она снова пришла ко мне.

— Ты справишься, наследница, — прошепел голос у меня в голове. — Мы справимся вместе.

В первый момент я растерялась, но потом поняла, чей голос встревожил меня. Моя тьма. Она пробудилась во мне.

— Я не хочу, чтобы ты пробуждалась, — ответила я. — Не хочу становиться темной!

— Поздно. Ты была темной изначально, — рассмеялась тьма. — Просто не знала об этом. Скоро ты привыкнешься со мной. И познаешь всю мощь своего рода.

— Я не готова! — возразила я.

— Ты приняла меня, чтобы спасти мальчишку. Задумайся, может быть, тьма — это спасение? Все будет так, как хотел твой великий отец, малышка.

Она опять негромко рассмеялась и затихла. А я распахнула глаза — оказывается, я ненадолго уснула. А тьма пришла в мой сон.

Еще какое-то время я сидела в прохладном зале с узкими окнами одна — храм к моему приезду специально освободили. И мысленно разговаривала с мамой. А когда вышла на улицу вместе с охраной, меня окружили газетчики, которые откуда-то прознали о том, что я здесь. Их было много, но еще больше было набежавших отовсюду людей, которые выкрикивали мое имя. Охрана не без труда усадила меня в экипаж и увезла на Золотую улицу. А оттуда я вновь попала в Небесный дворец. На следующий день вышли газеты со статьями о том, что невеста принца побывала в Звездном храме и молилась об ушедших родных. Но так было написано в тех газетах, которые мне давали. В тех же, которые тайком принесла Лея, писали иначе — невеста принца бегала в Звездный храм замаливать грехи перед той, которую убила.

С родными пообщаться мне удалось еще один раз, прежде чем они покинули столицу. На этот раз наша встреча была немного длиннее и проходила в Зимнем саду. Мы отлично провели время вместе и, наверное, впервые за то время, пока я находилась во дворце, мне было спокойно и хорошо. Мы разговаривали, смеялись, пили чай — как в старые доб-

рые времена. Все вместе. Одна большая семья. Я продолжала скучать по ним, но меня успокаивало то, что теперь все они смогут жить так, как хотят. Не заботясь о деньгах. До встречи с ними мне удалось увидеться с Антелем как со своим поверенным и передать ему некоторые указания — например, перечислять родным определенную сумму денег ежемесячно. Денег, как оказалось, у меня было много. А еще — активов, драгоценностей и антиквариата. Я больше не была той девочкой, которая берегла для бабушки и тети, бесплатно полученные в «Шоколадной лавке госпожи Марты» конфеты. Теперь я заказала для них целую гору коробок с лучшим шоколадом империи.

— А ты общаешься с другими придворными дамами? — в какой-то момент спросил меня Том.

— Нет, — удивленно ответила я.

— А чего же так? Нос задрала до неба? — хмыкнул он.

Лиам рассмеялся.

— Это я тебя сейчас задеру, — кровожадно пообещала я брату. — Что за чушь? У меня просто нет времени! Я даже со своими придворными дамами общаться не успеваю — одна учеба. Голова скоро взорвется...

— А с принцессой Этель общаешься? — продолжал Том.

— Нет, мы не общаемся, у нас разное расписание, — деликатно ответила я. Говорить правду — то, что Этель терпеть меня не может — я не стала. Не хотела, чтобы родные думали, что во дворце мне плохо. Напротив, всеми силами

внушала им обратное. Не хотела, чтобы они волновались обо мне.

— Какая важная, посмотрите только! Расписание у нее есть! — встрял Лиам.

Они с братом все время выступали против меня. Это было их любимое занятие!

— Конечно есть, — поджала я губы. — Во дворце все делается по расписанию. Знаете, жить императорской жизнью нелегко.

— Бедная, — неискренне посочувствовал меня Лиам — Как ты только это выдержишь?

Я одарила старшего брата недобрым взглядом.

— Как могу, так и выдерживаю. А ты зачем про придворных дам спрашиваешь? Хочешь стать одной из них? Прости, но тебя в придворные дамы точно не возьмут, — покровительственно сказала я Тому.

— А я и не собирался, — рассмеялся тот.

— Он гуляет с придворной дамой, — с потрохами сдал его Лиам, и я округлила глаза от удивления.

— Серьезно? Они же не покидают дворец! Им нельзя...

— А эта сбегает, — продолжал Лиам доверительным тоном. — Уже дважды гуляли. Небось влюбился в нее, да?

— Тише ты, недомерок, — одернул его Том. — Не жужжи так громко. А то придется жужжало починить.

— Ты сам за своим жужжалом следи, — нахмурился Лиам. — А то так двину по нему, что мало не покажется.

— Попробуй!

— Попробую!

Они сердито уставились друг на друга, разве что кулаки, как в детстве, не сжали.

— Мальчики, вы же во дворце! — всплеснула руками тетя. — Ведите себя сдержанно! Не позорьте сестру.

Ее слова подействовали на братьев, они отвернулись друг от друга.

— Так что за придворная дама? — спросила я Тома.

Мне это не нравилось. И я до сих пор помнила слова Этель о моих братьях. Чего от нее ждать, я не знала.

— Ты ее все равно не знаешь, — сердито отмахнулся он.

— А как вы познакомились?

— Случайно.

— Да что вы заладили — придворная дама, придворная дама, — вмешалась бабушка. — Лучше расскажи, внучка, как у тебя отношения с будущим мужем складываются? Когда мы с ним познакомимся? Он, конечно, наследный принц, но должна же я знать, какому человеку отдаю свою девочку!

Тетя согласно закивала.

— Все хорошо, бабушка, — улыбнулась я. — Даррел сейчас в отъезде, но скоро вернется и обязательно встретится с вами.

— Держись мужа, — повторила бабушка. — Держись императорской семьи, девочка моя. И никому тут не верь. Дурное это место...

— Мам, не нагоняй тьмы, — нахмурилась тетя. — Не пугай Белль.

— Не переживай, я смогу постоять за себя, — успокаивающе произнесла я и по очереди их обняла. Как в детстве.

Наша встреча слишком быстро подошла к концу, пролетела незаметно, и я знала, что в следующий раз мы встретимся перед моей свадьбой в конце перелетного⁴ месяца.

— Как тебе соленья? — напоследок спросила бабушка. — Грибочки как ты любишь! Чай, во дворце таких нет!

— Вкусно, как обычно, — соврала я, потому что холщовый мешок с банками куда-то пропал. Я пыталась найти, но Фэйра сказала, что, должно быть, его потеряли.

— Не взяла с собой еще, старая дура, — посетовала бабушка, и я принялась утешать ее, что все хорошо.

Когда мы распрощались во второй раз, я уже не плакала — научилась сдерживать себя. Просто стояла и смотрела на диковинные деревья Зимнего сада, крепко сжимая кулаки — так, чтобы ногти царапали ладони.

— Ваша милость, все хорошо? — тихо спросила Лея.

— Да, — ответила я, сжимая медальон с фотографией родных, который носила под одеждой. — Все замечательно.

— Тогда вам пора собираться на прием, — вздохнула Лея.

— Прием? Какой прием? — удивилась я.

— Вместе с ее высочеством Этель вы сегодня участвуете в ежегодном благотворительном приеме, который устраивает

⁴ Перелетный месяц — первый месяц весны, эквивалент марта.

герцогиня Виорская...

— Значит, я покину дворец? — удивилась я.

— Да. Вы направитесь в замок Семи ветров, — слышался голос Фэйры, которая неожиданно появилась в Зимнем саду вместе с остальными придворными дамами. Она злобно взглянула на поникшую Лею и продолжила: — Ваш новый наряд уже ждет вас, ваша милость. Отбытие через час. Прощу вас, идемте за мной.

— Мне не приходили письма? — с надеждой спросила я, уже подходя к своим покоям.

Я написала письма Дэйрил и Элли и который день ждала ответа. Но его так и не было ни от одной из подруг.

— Нет, ваша милость, — ответила Фэйра, и я мысленно вздохнула. Похоже, девочки обиделись на меня.

В замок Семи ветров меня собирали почти так же, как и на собственный бал. Даже платье подготовили похожее — только теперь его пышная юбка светилась не как северное сияние, а мягко и загадочно сверкала звездами.

— Прекрасный наряд, из вашей личной коллекции «Небесные платья». Его концепция — звездная ночь, — сказала Фэйра, оглядев меня со всех сторон и удовлетворенно кивнув.

Мне сделали высокую прическу и нанесли макияж, снова превратив в какую-то другую Белль — холодную и отстраненную. Подали короткую шубку из белого меха. Заставили надеть узкие прозрачные туфельки, которые сияли так, буд-

то были хрустальными, а затем подали украшения.

— Последний штрих — каффы, — заявила Фэйра, для которой я, должно быть, была чем-то вроде живой куклы, которую ей постоянно приходилось наряжать.

Я снова надела подаренные Дарреном каффы и в сопровождении нескольких придворных дам и гвардейцев направилась вниз.

— Мы полетим на дирижабле, ваша милость, — проинформировала меня Фэйра.

— А почему не воспользуемся порталной магией? — удивилась я.

— Замок Семи ветров защищен почти так же, как и Небесный дворец. Ближайший портал находится далеко от него, а добираться от портала до замка своим ходом неудобно. Комфортнее и безопаснее будет по воздуху.

За пределами Небесного дворца нас ждал зависший в воздухе крылатый дирижабль с сине-белыми имперскими флагами и гербом — точная копия дирижабля, на котором в академию магии прилетел Даррел. По специальному закрытому трапу мы поднялись на борт, и я была в полном восторге от того, что смогла попасть на такой дирижабль. Ведь об этом раньше я могла только мечтать!

Нас встретила команда во главе с капитаном, молодым синеглазым мужчиной в белоснежной форме, на которого я засмотрелась — таким красивым он был.

— Добро пожаловать на борт «Звездной ночи», ваша ми-

лость! — поприветствовал он меня, отдав честь. — Капитан Алекс Фолден. Я и моя команда к вашим услугам. Сделаем ваше путешествие комфортным и безопасным. В замок Семи ветров прибудем через полтора часа.

— Благодарю... Это ведь «Вайс» новой системы? — восторженно спросила я.

— Да, ваша милость.

— Вторая модификация?

— Никак нет, ваша милость. Третья. Судно собрано по специальному заказу дворца, — ответил капитан. — Имеет дополнительные уровни защиты, в том числе, магической. И более комфортно для перелетов.

— Ничего себе! — ахнула я. — Вторая только в том году появились, а это уже третья...

— Вы разбираетесь в дирижаблестроении, ваша милость? — удивленно спросил капитан.

— Совсем чуть-чуть, — смущенно ответила я.

— Нам пора занять свои места, ваша милость, — встряла Фэйра, и мы направились в кают-компанию, где уже находилась принцесса Этель со своими сопровождающими.

Она мрачно на меня посмотрела и отвернулась, не желая разговаривать. Я же громко поприветствовала ее и, оглядевшись, села в кресло у наклонного окна. Меня распирало от восторга и я, сама того не понимая, все время улыбалась и оглядывалась по сторонам. Кают-компания была довольно просторной. В ней помещались несколько круглых столов с

креслами и диванчиками, а также стойка, за которой стоял официант, отвечающий за напитки и закуски, — увидев меня, он вежливо поклонился. Стены кают-компаний были отделаны шелком с росписью, изображающей сцены из древних легенд. Столы украшены живыми цветами, а под полотнами светился живой огонь в хрустальных шариках — меня тотчас потянуло к этому огню, но я одернула себя. Не стоит вести себя неразумно.

Дирижабль отшвартовался от Небесного замка, развернулся и плавно поплыл на запад. Сначала я глаз не могла оторвать от наклонного окна, а потом решила исследовать пассажирскую часть. Оказалось, что здесь есть несколько шикарных спален, столовая и даже курительная комната. А когда я попала на двухуровневую прогулочную палубу, у меня и вовсе дух захватило. Мы проплывали над заснеженным лесом, и мне казалось, делаем это не спеша, однако я просто не чувствовала скорости — двигались мы быстро.

— Ваша милость, — поприветствовал меня капитан Фолден. — Надеюсь, все хорошо?

— Да, спасибо, — улыбнулась я. — Этот «Вайс» просто великолепный. Какую максимальную скорость он развивает?

— Двести тридцать реймов⁵ в час при полезной нагрузке.

— А какова дальность полета?

— Более двадцати двух тысяч реймов.

⁵ Рейм — единица измерения длины, один рейм равен полутора километрам или примерно 0,93 мили.

— Светлые духи, это просто невероятно! — воскликнула я и засыпала капитана новыми вопросами, на которые он терпеливо отвечал. Моему восхищению не было предела.

— Откуда вы столько знаете про дирижабли, ваша милость? — с любопытством спросил он.

— В детстве мечтала стать воздухоплавателем, — призналась я. — Мы с братьями постоянно бегали смотреть, как от Воздушного вокзала отплывают дирижабли. И копили деньги, чтобы поплавать на одном из них...

— Может быть, вы желаете побывать в капитанской рубке? — вдруг предложил капитан.

— А можно? — воскликнула я.

— Да, конечно. Я провожу вас.

Под придиричивым взглядом Фэйры и восторженным Леи мы направились в рубку. Мои братья, должно быть, с ума сойдут, когда узнают, где я побывала! Обзавидуются! Хотя... Я теперь могу купить для них собственный «Вайс» и нанять команду!

Мысленно улыбаясь, я вошла в рубку — просторную и застекленную от пола до потолка. Солнечные лучи стелились по полу, окрашивали оранжевым стены с мебелью и попадали на лицо, заставляя щуриться. Мы летели прямо в зимний закат, что медью разливался по небу.

Белль неугомонно болтала с капитаном о дирижабле. А Фэйра стояла неподалеку с улыбчивым лицом и покорно сло-

женными на груди руками, хотя на самом деле злилась. Не может эта выскочка оставаться на своем месте в кают-компании, как подобает благородной высокородной девушке! Шастает по всему дирижаблю, точно любопытный ребенок! Все вынюхивает, высматривает... Смотреть тошно. И эта мерзавка Лея за ней по пятам бежит, как преданная собачка. Ничего, уедет эта наглая девка в академию, останется Лея без защиты, уж тогда она ей устроит! За все ответит, маленькая дрянь.

Однако о мыслях Фэйры никто не догадывался. Она давно уже научилась носить маски. Еще в юности, когда только попала во дворец, став придворной дамой императрицы, тогда еще находившейся в статусе невесты. Только императрицу и эту низкородную, что должна выйти за принца Даррела, и сравнивать нельзя! Прекрасная роза и сорняк. А сорняки, как известно, принятовыворчевывать. Вырывать с корнями и сжигать.

Молодой красивый капитан, с которым Фэйра была бы не прочь остаться наедине, принялся объяснять Белль основы управления дирижаблем. Поняв, что девушка увлечена разговором, Фэйра медленно подошла к стоявшей в сторонке Лее и, не глядя на нее, тихо произнесла:

— Вечно бегать ты от меня не сможешь, дрянь. Как только ее милость покинет дворец, ты будешь наказана.

— Госпожа, — испуганно прошептала Лея.

Фэйра искоса взглянула на нее и усмехнулась. Ей нравил-

ся страх в глазах девки. Нравилось, когда ее боятся.

— Просто подожди, дорогуша, — прошелестела старшая придворная дама и отошла от девушки.

Белль продолжала внимательно слушать капитана. Если бы не платье, наверняка бы еще и в люк полезла, чтобы осмотреть изнутри оболочку каркаса. Что взять с этих низкородных. Наверняка еще и опозорится на приеме в замке Семи ветров. Госпожа обо всем узнает.

Глава 5

Замок Семи ветров находился в речной долине высоко над уровнем моря и был со всех сторон окружен заснеженными горами. Он был высоким и горделивым, со множеством башен, со стенами цвета слоновой кости и черной сланцевой кровлей. Точно каменный цветок, расцветший среди вершин. Кроме гор замок защищала сильная магия — над ним раскинулся едва заметный охранный купол. Чтобы пришвартоваться, штатному воздушному магу, входящему в состав команды, пришлось отправлять запрос магам из охраны замка, чтобы те на короткое время убрали купол. И на какое-то время мы зависли в воздухе над замком.

— Почему замок так хорошо охраняется? — удивленно спросила я Фэйру, глядя в окно. Вид на горы открывался живописный.

— Ты что, не знаешь, кто тут живет? — раздался насмешливый голос Этель.

— Герцогиня Виорская, полагаю, ваше высочество, — подчеркнуто вежливо ответила я. Во всех этих высокородных семьях и их титулах я, каюсь, еще не разобралась.

— Герцогиня Виорская — родная сестра моего отца, если ты не знала, — фыркнула Этель. — Моя обожаемая тетушка Реджина. Мать твоего Эштана.

— Он не мой, — невозмутимо ответила я, хотя внутри

все перевернулось. Этот замок — дом Эштана?! Я увижу его сегодня?

— Ой, все знают, что ты флиртовала с ним и даже ходила на свидания, — сморщила носик Этель. — Признайся, ты в него влюблена? Хотя... Молчи, мне нет до этого дела. Просто помни — не смей позорить моего брата. Сегодня в замке Семи ветров будут все высокопоставленные женщины империи.

— Не все, — сладко улыбнулась я принцессе. — Как минимум не будет вашей матери.

— Острячка, — сверкнула глазами Этель и вернулась на свое место.

Фэйра проводила ее с почтительной улыбкой. И у меня сложилось впечатление, что ей нравится, когда принцесса достает меня, но виду она не показывает.

— Почему сестра императора живет так далеко от столицы? — спросила я удивленно. Почему-то мне казалось, что Эштан вырос в Тайлерисе.

Фэйра ничего мне не ответила, лишь пожала плечами, а когда она отвлеклась, Лея шепотом сказала:

— Никто точно не знает, но говорят, что из-за сына. Из-за того, что он родился с темным даром. Император был в гневе и сослал сестру с ребенком в отдаление.

Я нахмурилась. Не хотелось верить, что император настолько жестокий человек.

— Но еще поговаривают... — Лея понизила голос еще

сильнее и на всякий случай обернулась по сторонам — не слышит ли кто?

— Что поговаривают?

— Что была другая причина. Я от других придворных дам слышала... Герцогиня Виорская вела неподобающий образ жизни и вышла замуж за нехорошего человека, потому что забеременела от него. Однако она потеряла своего ребенка и тогда...

— Что тогда? — еще больше удивилась я.

— И тогда ей на воспитание тайно отдали ребенка младшего брата императора, — выдала девушка.

— Того, кто хотел устроить переворот? — уточнила я.

— Именно! Его сын родился от ведьмы. Поэтому его дар — темный. Император не смог убить племянника, а потому отдал его на воспитание сестре, графине Виорской. И сослал в замок Семи ветров... Она стала официальной матерью Эштана, а отцом считается ее погибший супруг. Так говорили, — спешно добавила Лея. И, увидев, как к нам подходит Фэйра, испуганно замолчала.

Я изумленно похлопала ресницами. Неужели Эштан и правда сын ведьмы? Нет, глупости какие. Нельзя верить слухам. Верить нужно людям. Да и какая разница, кто мать Эштана. Главное — это его сердце.

— Возникла заминка, но мы скоро приземлимся, — сообщила Фэйра, скользнув по нам подозрительным взглядом. Словно чувствовала, что мы говорим о чем-то таком... О за-

претном.

Я лишь кивнула в ответ.

Пришвартовались мы действительно скоро. Дирижабль в сопровождении гвардейцев на крылатых ящерах завис у причальной мачты, а мы погрузились в летающие кареты и опустились на заснеженную землю. Нас встретил зимний горный воздух — чистый и свежий до невозможности. Такой, что у меня даже слегка закружилась голова.

Нас спешно повели к замку через двор, уставленный летающими каретами, на которых прибыли гости. Еще несколько дирижаблей дрейфовали позади замка. Мы поднялись по лестнице с балюстрадами, украшенными сияющими снежными розами, оказались у парадного входа и попали в огромный холл, пол которого блестел так, словно его посыпали звездной пылью. А оттуда, сняв верхнюю одежду, направились в зал, где проходил благотворительный прием.

— Опять ей досталось лучшее платье, — фыркнула Этель, хотя сама была одета ничуть не хуже, чем я. Ее наряд нежнейшего пудрового цвета был безупречным: корсет украшал вышитый орнамент, а пышную фатиновую юбку — драгоценные камни.

— Зависть до добра не доводит, — словно невзначай заметила я, а принцесса тихо выругалась. Она только казалась нежной и милой. А на самом деле могла такое сказать, что уши вяли. Однако при этом Этель хотя и раздражала, но не казалась плохой.

— И грубость тоже, — тихо-тихо добавила я, подначивая ее.

— Надоела, — фыркнула принцесса, ускорила шаг и запнулась. Если бы не гвардеец, лететь бы ей с лестницы, как чайке с утеса.

Нас встретила сама герцогиня Реджина Виорская — невысокая женщина с тонкой, довольно изящной фигурой и прямыми темно-каштановыми волосами. У нее были недобрые глаза и заломы у губ, но не как у человека, который много улыбается, а как у человека, который часто чем-то недоволен или испытывает отвращение. Младшую сестру императора можно было назвать красивой, но не приятной. Было в ней что-то отталкивающее, фальшивое. Я особенно четко поняла это, когда она целовала воздух у моих щек. Впрочем, Этель, кажется, тоже была не в восторге от своей тетки.

— Рада видеть вас в моей скромной обители, — сказала нам герцогиня, хотя ее взгляд говорил об обратном. — Жаль только, императрица в этом году не сумела посетить прием.

— Мама отправила свою преемницу вместо себя, — кинула на меня насмешливый взгляд Этель, а я лишь вежливо улыбнулась.

— Да, конечно. Очень мило, — процедила сквозь зубы герцогиня. — Вы великолепно выглядите, Изабелль.

— Вы тоже, — ответила я, думая в этот момент — а где Эштан? Будет ли он на приеме? Увидимся ли мы с ним?

Словно по волшебству, рядом с матерью появился и он.

Высокий, уверенный, статный. С рассыпавшимися по плечам пепельными волосами. Облаченный в парадный белоснежный мундир с эполетами, которые украшала россыпь сапфиров. И отстраненно-холодным выражением лица.

Наши взгляды встретились, и я вдруг поняла, как изменились его глаза. В них я увидела боль, и мне стало не по себе. Однако Эштан тотчас перевел взгляд на Этель. Он поздоровался сначала с ней, потом со мной и растворился в толпе гостей, кинув на меня тоскливый взгляд.

Герцогиня, ничего не заметив, увлекла нас с Этель на совместную съемку и небольшое интервью — на прием были приглашены журналисты. И полчаса нам пришлось улыбаться, играя в семью. Это было безумно странно. Я почти не знала этих людей, но вынуждена была делать вид, что мы близки. И очень устала от этого — не физически, а морально. Притворство давалось мне сложно.

После интервью нас повели в другой зал, со сценой, и с нами то и дело здоровались дамы в прекрасных платьях и мужчины в дорогих костюмах. Каждому приходилось отвечать, с каждым нужно было быть вежливой и милой, хотя я прекрасно понимала, что не всем высокородным я нравлюсь. На меня смотрели либо с пренебрежением, как на слабачку. Либо с осторожным любопытством, как на нового паука в банке. Прикидывали — а насколько я ядовитая? Им и в голову прийти не могло, что я не тот человек, который любит все эти интриги и закулисные войны. Что я не хочу здесь на-

ходиться. Что не хотела становиться невестой принца.

После череды приветствий и фальшивых улыбок, мы с Этель очутились неподалеку от сцены за круглым столиком, украшенным все теми же снежными цветами, которые я видела на лестнице. Придворные дамы, сопровождавшие нас, расположились за столиком неподалеку, а гвардейцы выстроились вдоль стены. Я огляделась — все пространство зала было уставлено круглыми столами, за которые то и дело приглашали гостей. Скорее всего, танцев не будет. И слава всем светлым духам — как танцевать в этих хрустальных туфельках, я понятия не имею. В них и сидеть-то неудобно... Вместо танцев нас ждет представление. Только сцена еще закрыта плотным темно-синим занавесом, и что будет — неизвестно. Надеюсь, не оперное пение.

Мои надежды не оправдались. Нас ждала именно опера. Но до этого на сцену вошла герцогиня Виорская вместе со своим сыном. Она долго и нудно приветствовала гостей, благодарила за приезд и вклад в благотворительность — в этот раз собирали средства для строительства нескольких приютов в разных уголках империи. Затем началось выступление приглашенных артистов, большая часть которых оказалось оперными исполнителями. И я откровенно заскучала.

— Что, быть невестой принца не так уж и весело, да? — вкрадчиво спросила Этель. Кажется, оперное пение тоже не входило в список ее интересов.

— Ты говоришь так, будто бы я мечтала стать его неве-

стой, — ответила я.

— А разве нет? — совершенно искренне удивилась она.

— Ты серьезно? — рассмеялась я.

— Все мечтают выйти замуж за моего брата. — Похоже, Этель ничуть в этом не сомневалась.

Вот глупая! Что за святая уверенность?

— Проверь голову у лекаря, — вырвалось у меня, и она закатила глаза.

— Ты так шутишь, что я аж смеяться не могу, — фыркнула принцесса. — Все внутри от смеха пережало.

Больше мы не препирались — на нас стали косо поглядывать, и я решила быть хорошей девочкой. Но, светлая Тэйла, я и поверить не могла, что смогу уснуть под оглушительное пение со сцены! А я уснула. И проснулась от того, что Этель пихала меня под столом ногой. Оказалось, уже все закончилось и к нашему столику подошла хозяйка приема, чтобы узнать, понравилось ли нам выступление. Поняв, что я заснула, герцогиня одарила меня таким выразительным взглядом, что мне стало неловко. Наверное, она всем своим высокородным подружкам доложит, что невеста принца — необразованная девица, которая заснула на выступлении лучших оперных певцов империи.

— Ты заснула! — гневно прошипела Этель, когда ее тетка отошла. — Как ты могла?!

— Я не специально, — прикусила я губу. Как это вообще вышло? Ну как?!

— Разумеется, не специально. Кто в своем уме захочет выставлять себя идиоткой специально? Теперь весь высший свет будет обсуждать это! И на ком только мой бедный брат собрался жениться!

С этими словами Этель вскочила из-за стола и нервной походкой направилась к выходу. Ее придворные дамы и часть гвардейцев помчались за ней. Мои поспешили ко мне. Благотворительный вечер продолжался.

Мы перешли в следующий зал, который оказался столовой, — нас ждал длинный стол из черного дуба, сервированный серебром и украшенный магическими цветами. Во главе сидела хозяйка замка, а мы с Этель — по обе стороны от нее как почетные гости. Эштан находился далеко-далеко от нас — в самом конце стола, напротив матери. Я даже разглядеть его нормально не могла — таким длинным был этот стол.

У каждого гостя был собственный официант, обслуживавший его.

Рядом со мной сидел пожилой, но крайне разговорчивый граф, у которого не закрывался рот. Не потому, что он ел, а потому, что трещал без умолку.

— Дорогая Изабелль, что вы думаете о великих произведениях Виардо? — спросил он.

Честно сказать, я ничего о них не думала. Знала, что Виардо — великий музыкант прошлых лет. Был главным придворным музыкантом одного из предков Даррела.

— Они великолепны, — сдержанно ответила я и прослу-

шала целую лекцию о его творчестве.

— А что вам более симпатично: натуралистичность изображений Ирила или магическая живопись Викотия? — не отставал граф.

— Оба гении. И заслуги обоих велики, — нашлась я.

— Какой у вас замечательный вкус! Дорогая Изабелль, любите ли вы творчество Кандера?

— Конечно, — кисло ответила я, хотя понятия не имела, кто такой этот Кандер.

— А какая его поэма вам больше нравится? «Сказание об Алире» или «Дорриада»? — не отставал граф.

— И то, и другое, — ответила я. И это была моя ошибка.

На меня уставились, как на идиотку. А Этель едва не испепелила меня взглядом.

— Вы, должно быть, шутить изволите, Изабелль, ведь Кандер — философ, а не поэт, — расхохотался граф, и остальные, кто сидел рядом, тотчас подхватили его смех. — Я просто пошутил.

— А я поддержала вашу шутку, — выдохнула я, понимая, как опростоволосилась.

— Хорошо, что вы тоже пошутили, дорогая Изабелль, — вдруг опасно сверкнули глаза графа, который еще минуту назад казался забавным старичком. — Не знать философию новой школы — ужасно. Не разбираться в искусстве — позор. Впрочем, мы были уверены, что его величество подберет для наследного принца *достойную* супругу, а не мало-

летнюю идиотку, которая опозорит всю императорскую семью. Не так ли, герцогиня? — холодно улыбнулся он хозяйке вечера.

Его слова, словно плетка, хлестнули меня по щекам. Конечно же, он завуалированно говорил обо мне. Давал понять, как относится ко мне. Как все они относятся.

— Разумеется, мой брат никогда бы не принял в семью необразованную глупую девуцу, — высоким голосом подтвердила Реджина. — В нашей семье высокие стандарты. Она — пример для народа.

Герцогиня с усмешкой на меня глянула, но я выдержала ее взгляд.

— Его величество никогда не ошибается, — четко произнесла я. — Верно?

Губы графа растянулись в неприятной улыбочке.

— Верно.

— А кто считает иначе, имеет все шансы стать врагом короны, — добавила я, и граф явно понял, что я хотела сказать ему на самом деле.

— Предлагаю встать и первый тост поднять за его величество! — провозгласил он. — И пожелать ему долгих лет.

Этот ужин был настоящей пыткой. Блюда подавали странные, сложные — такие, что я понятия не имела, как их нужно есть, несмотря на то, что меня обучали этикету. Меня спасало то, что я смотрела на Этель и повторяла за ней. Я знала, что за мной наблюдают, и ждут, когда я совершу очередную

ошибку. Ведь присутствующие здесь высокородные прекрасно понимали — задеть меня напрямую они не смеют, но могут легко выставить меня дуручкой, что у них, надо сказать, получалось. Мне задавали дурацкие вопросы, на которые я не знала ответа, шутили, что я не умею пользоваться столовыми приборами, когда я случайно не так стала разделять лобстера, которого до этого видела лишь на картинке. Я чувствовала себя чужой на приеме. Но держалась изо всех сил.

После ужина нас все-таки ждали танцы — в соседнем зале, двухуровневом. На первом уровне можно было танцевать под звуки оркестра, на втором — отдыхать на специальных диванчиках. У меня желания танцевать совершенно не было, и я решила просто посидеть в окружении своих придворных дам. Однако мне этого сделать не дали — появился Эштан и пригласил меня на танец. Он стоял передо мной, протянув руку, смотрел прямо в глаза и ждал моего ответа.

— Я не...

— Не отказывайте, ваша милость, — сказал Эштан. — Прошу вас.

В его глубоком голосе было что-то такое, что я не смогла отказать. Вложила пальцы в его ладонь, и он повел меня вниз, к танцующим парам. В отличие от бала в Небесном дворце, с танцами и их порядком здесь было не так официально и строго. Пары кружились в «Романтическом вальсе», который изредка сменял «Танец нежности», медленный, незамысловатый, но эффектный. Нам как раз выпало танце-

вать его.

— Это единственный легальный способ пообщаться с тобой, Белль, — сказал Эштан уже посередине зала, кладя руку мне на талию. — Я скучал.

— Я тоже рада увидеться с тобой, — осторожно ответила я и положила руку ему на плечо.

Несмотря на объятия, между нами была дистанция. Ближе было бы неприлично, и Эштан, уважая меня, соблюдал все правила этикета. А я... Я была просто невероятно рада увидеть его. Несмотря на неловкость перед ним.

— Так странно... Ты невеста моего брата, — задумчиво сказал Эштан, аккуратно ведя меня в танце под нежную музыку. — И я больше не имею на тебя права. До сих пор не верю в это.

По моему телу прошла дрожь. Я вдруг вспомнила наше свидание в горах. Тот прекрасный вечер в ресторанчике, когда мы сидели друг перед другом... Вид на столицу... Наши смех и улыбки. Все это осталось в прошлом.

— Сама не знаю, почему так произошло, — вздохнула я, чувствуя себя не в своей тарелке. Ощущение, будто я обидела Эштана, не проходило.

— Еще раз хочу попросить прощения за то, что произошло в Доме у озера. — Он развернулся в танце, а я — следом за ним. — Я повел себя глупо, потребовав поцелуй на прощание. Знала бы ты, как я жалею об этом.

— Все в порядке, — горячо возразила я. Светлые духи,

пусть эта неловкость, сковывающая меня по рукам и ногам, уйдет!

— А потом это проклятое чаорское вино. Не помню, что было, но уверен, я вел себя ужасно. Нам, темным, его пить нельзя. Оно влияет на восприятие темных потоков магии, и в голове все смешивается... Я не обидел тебя?

— Нет, говорю же, все в порядке, — ответила я. — Прошу, не переживай из-за этого.

— Это ведь подстроил тот мальчишка-ангел? — усмехнулся Эштан.

— О, это была случайность.

— Уверен, что нет. Но не переживай — я не трону его. Из уважения к тебе. Это ведь твой слуга.

Мне с трудом удалось сдержать смех. Я была уверена — услышь Кайл, что он мой слуга, его возмущению не было бы предела, потому как он был свято уверен, что это все остальные его слуги. Однако меня порадовали слова Эштана о том, что он не тронет его.

Мы танцевали недолго — всего один танец. Столько, сколько того требовали приличия. Один танец — и никто ничего не заподозрит. Но отпускать Эштана было сложно — не из-за былых романтических чувств, а все из-за того же дурацкого ощущения, будто я предала его.

Он галантно проводил меня туда, откуда привел, и поцеловал руку на прощание. Тепло его губ обожгло кожу, но я нашла в себе силы улыбнуться.

— Спасибо тебе, — искренне сказала я.

— За танец? — грустно улыбнулся Эштан.

— За то, что был на моей стороне. Во время учебы.

— Я и сейчас на твоей стороне, Белль, — ответил он просто. — Только ты не замечаешь этого.

— Эштан...

— Я ведь сказал, что просто буду рядом. И я буду. Все хорошо, Белль.

Я опустила глаза, не зная, что ответить ему. А он добавил:

— Насчет тьмы. Надеюсь, ты приняла ее в себе. Если тьму долго отталкивать, она начинает поглощать. Не противься своему дару.

И он ушел.

Не противься своему дару и не противься своей любви — так говорила бабушка раньше. Вспомнив эти слова, я опустилась на диванчик и потянулась к бокалу с бордовым вином, что стоял на столике рядом. После танца пересохли губы. А, может быть, они пересохли после разговора с Эштаном. Фэйра неодобрительно на меня посмотрела, но ничего не сказала.

Я сделала несколько больших глотков, поставила бокал на место и... поняла вдруг, что меня будто заморозило изнутри. Легкие стали хрустальными — того и гляди, разобьются при вдохе. Горло обожгло холодом, а губы — тронуло инеем.

Схватившись за шею, я начала задыхаться. Воздуха не хватало. Во рту чувствовался привкус крови. Мир расплы-

вался, теряя четкость и краски. И по венам вместо крови струился серебряный яд.

Боль разрывала меня на куски, но я не могла даже кричать — просто теряла сознание. Я сопротивлялась этому изо всех сил, зная, что если засну сейчас, то навсегда. Но бороться было бессмысленно. Мои ресницы сомкнулись. И последнее, что я услышала, были крики придворных дам:

— Невеста принца умирает! Ее отравили! На помощь!

Глава 6

Реджина улыбалась, смеялась и вела себя как радушная хозяйка, хотя большую частей гостей с удовольствием погнала бы прочь из замка. Не переставая вести непринужденные светские беседы, она наблюдала за высокородными, отмечая, кто и во что одет, какие украшения нацепил, с кем общается. От ее цепких глаз ничего не ускользало. Недаром Реджина была в курсе всех последних новостей и сплетен.

Время от времени она поглядывала на Эштана. Да, он был хорош в парадном мундире и выглядел уверенным и спокойным — как истинный высокородный. Возможно, будь Эштан ее настоящим сыном, она бы гордилась тем, как уверенно он держится в высшем обществе. Но он был всего лишь ее племянником, официальной матерью которого она стала не по своей воле. Реджина до сих пор не могла смириться с этим. Мало того, что он был ей неродным, так еще и с темным даром. Чернокнижник, подумать только. Отвратительно! Пятно на репутации!

Ей пришлось пойти на этот шаг только потому, что у нее не было выбора. Она и ее супруг пристрастились к солнечному яду — наркотику в виде отваров из запрещенного солнечного корня, растения родом из империи Шио. Эдвард был в ярости, когда узнал.

«Или отправишься в монастырь Милостивой Эсфер, что-

бы вымолить прощение за свое непотребное поведение, или возьмешь ребенка и будешь жить затворнической жизнью в замке Семи ветров», — сказал он в ту роковую ночь, когда вместе со своими гвардейцами появился на пороге их особняка на Золотой улице.

Реджина пришлось выбрать второе — гнить в монастыре ей не хотелось. Она стала официальной матерью ребенка. Тем временем супруг был отправлен в армию, где вскоре героически погиб. А может быть, совсем и не героически, но член императорской семьи не может погибнуть из-за пьянства или солнечного яда. Что тогда скажет народ?

Она так и не смогла полюбить Эштана — ни как сына, ни как племянника. Он был вечным напоминанием о ее позоре. И о том, что собственного ребенка она потеряла. Именно поэтому и пристрастилась к солнечному яду в свое время. На Эштана она старалась не обращать внимания. Он рос вместе с бесконечной чередой нянек, гувернанток и учителей. Они неделями могли не пересекаться, хотя и жили в одном замке. Благо он был огромным.

Со временем Реджина пришла в себя и постепенно вновь начала выходить в свет. Она стала другой — из некогда бойкой, веселой и вздорной принцессы превратилась в уверенную в себе женщину, которая знала себе цену и прекрасно овладела всеми хитростями высшего общества: умением обольщать, добывать информацию, лгать и манипулировать. Недаром сам глава тайного отдела прилетал к ней на чашечку

чая раз в месяц, чтобы поболтать и узнать новые интересные сплетни из мира высокородных. Именно Реджина узнала от одной из своих многочисленных подруг о готовящемся перевороте — муж этой самой подруги участвовал в нем. Переворот готовил Эдвин, младший брат Реджины и Эдварда, но его герцогиня не любила еще больше, чем старшего. Несмотря на то, что Эдвард заставил ее растить Эштану, она не собиралась поддерживать его свержение. Ей это было невыгодно. Да, она жила вдалеке от столицы, но получала от брата достаточное количество денег и власти.

С милой улыбкой выслушивая никчемную болтовню барона Миллиора, Реджина краем глаза следила за Эштаном. Ей не хотелось, чтобы он присутствовал на приеме, и казалось, будто гости то и дело обращают на него внимание и думают: «Ее сын темный, какой позор!» Но и прятать она его не могла — следовало соблюдать приличия. Именно поэтому Эштан специально прибыл в замок из академии.

Эштан пригласил Белль на танец, и Реджине это не понравилось. Разумеется, она знала, что эта девка, влезшая в императорскую семью, общалась с Эштаном до официальной помолвки с Даррелом. Реджина понятия не имела, почему ее сделали невестой принца. Только из-за того, что она была последней и единственной наследницей рода Черного дракона? Нет, было что-то еще... Только что? Реджина не знала, но безумно хотела узнать.

Рядом с Белль Эштан становился другим. Нет, не улыбал-

ся, как влюбленный дурачок, не совершал неловких движений, не выглядел глупо. Все дело было во взгляде. Он смотрел на Белль с неожиданной теплотой, которой Реджина в глазах сына раньше не видела. Разве только когда он смотрел на Еву, дочь ее хорошей подруги. Только Ева, не будь идиоткой, выбрала принца. Небось хотела стать будущей императрицей. Да только ее переиграли.

Эштан и Белль кружились в танце, и Реджина понимала — за ними наблюдает не только она, но и многие из присутствующих гостей. Они понимали, что перед ними — будущая императрица. И решали сейчас, какую позицию удобнее занять: быть на стороне Белль или выступать против.

К огромному облегчению герцогини, Эштан не позволил себе ничего лишнего и не стал танцевать с Белль второй танец, а просто отвел ее назад. Однако она все равно злилась — зачем эту проклятому мальчишке привлекать лишнее внимание? И так все о нем судачат... Или девчонка так вскружила ему голову, что он потерял разум? Она ведь тоже темная. Такая же мерзкая, как и он сам. И пусть она дракон, но ее сила — это тьма. Огненная тьма. Опасная. Нет, брат, должно быть, с ума сошел, раз решил сделать темную невесткой!

Улучив момент, Реджина подошла к сыну с бокалом в руке и, улыбаясь, тихо сказала:

— Не смей больше подходить к ней?

— О чем ты? — спросил он спокойно, хотя все прекрасно понял.

— Сам знаешь. О Белль. Не позорь меня и себя не позорь,
— прошипела Реджина. — Веди себя прилично.
— Я не сделал ничего плохого, — ровным голосом ответил Эштан.

Герцогиня разозлилась сильнее и крепче сжала тонкую хрустальную ножку бокала.

— Думаешь, я не вижу, как ты на нее смотришь? Да ты влюблен в эту дев... в невесту своего брата по уши. Не смей трогать то, что принадлежит не тебе, понял?

В это время к ним подплыла супружеская пара — граф и графиня Риорские, и Реджина тотчас нацепила на себя маску нежности. Потрепала Эштана по плечу и повернулась к гостям, слыша, как тихо усмехается сын. «Гаденыш темный», — с негодованием подумала она.

Поболтав с графом и графиней о погоде, Реджина двинулась к другим гостям, краем глаза заметив старшую придворную даму Белль. Ее звали Фэйра и она славилась своим нравом даже за пределами дворца. Оглядевшись по сторонам, Фэйра вышла из зала. Это заинтересовало Реджину, и она, подозвав одну из своих компаньенок, велела проследить за Фэйрой. Компаньонка вернулась через четверть часа и нашептала Реджине на ухо:

— Она нашла пустую комнату на втором этаже и связалась с кем-то при помощи артефакта, ваше высочество. Это камень в ее колье.

— Вот как. О чем говорила? — коротко спросила заин-

тригованная Реджина.

Артефакты связи были редкими и безумно дорогими — слишком много магической энергии требовалось для поддержания их в действии.

— Сказала несколько фраз. «Мы в замке». «Сделаю все, как вы велели, госпожа», — ответила компаньонка. — Остальное расслышать не удалось. Она отошла подальше от двери.

— Спасибо, дорогая. Можешь идти, — кивнула Реджина. Интересно, кому служит Фэйра? Что все это значит? Может быть, новый заговор? Или просто очередные интриги высокородных?

Обдумать ситуацию у герцогини времени не было — нужно было продолжать прием. Гостей ожидали прохладительные напитки и мороженое от специально приглашенных торийских кондитеров. А после — сбор средств. Реджина предвкушала, как богатые высокородные начнут традиционно соревноваться, кто больше денег даст сиротам. Не по доброте душевной, а от желания быть лучшим. В высшем свете все было просто: лучше тот, кто богаче. И кто имеет больше власти.

Однако все пошло не так, как было запланировано. Во время танцев отравили невесту принца. Как это произошло, Реджина не понимала. Она просто вдруг увидела, как Белль, хватаясь за горло, падает на пол. Ее лицо стало болезненно белым, как мел, глаза широко раскрылись — их залила

тьма. Белль судорожно хватала ртом воздух, но будто не могла вдохнуть его. Вены на тонкой девичьей шее вздулись, ну губах появилась кровь.

Гости в ужасе повскакивали с мест. Раздались испуганные крики. К невесте принца рванули гвардейцы, следом за ними — ее придворные дамы, истошно крича. Началась паника. Ничего не понимая, Реджина поднялась со стула и беспомощно простерла руку к лежащей без сознания Белль. Девушку трясло и она, задыхаясь, хрипела. Только не это! Если девица умрет в замке Семи ветров, ее, Реджину, вполне могут обвинить в убийстве! И что тогда будет?

К Белль неожиданно подскочил Эштан. Он растолкал всех, кто в ужасе столпился вокруг девушки, опустился на колени, схватил ее за плечи и заглянул в лицо. Потом приподнял руку, и из его перстня в виде птицы появилось тонкое лезвие. Эштан закатал рукав и полоснул себя лезвием по предплечью, которое и без этого все было в шрамах. Пршептал что-то на древнемагическом языке. Подставил вторую руку. Кровь закапала в его открытую ладонь, на глазах становясь черной. В ней бурлила темная магия. Та, которой все так боялись.

Эштан обмакнул палец в кровь и провел им по лбу Белль, рисуя символ магической клинописи и снова что-то шепча. Это помогло — она перестала дергаться и начала дышать. Цвет лица стал немного лучше.

— Что с ней? — спросил капитан гвардейцев, сопровож-

давших Белль. — Вы излечили ее, ваше высочество?

— Нет, — покачал головой Эштан. — Лишь на время облегчил симптомы.

— Ее отравили, — вмешался штатный маг, прибывший вместе с принцессой и невестой принца.

Он тоже опустился на колени, осматривая Белль. Лицо его было тревожным.

— Что? Как? Чем отравили? — выдохнула принцесса Этель, появившись рядом с герцогиней, которая от ужаса и слова не могла сказать.

— «Дыхание бабочки», — тихо ответил Эштан, беря Белль за руку и нащупывая пульс. Он казался спокойным, как и всегда, только лицо его было почти таким же бледным, как и у Белль.

— Что это? — отрывисто спросил капитан.

Маг, услышав его слова, на мгновение прикрыл глаза, понимая, как это опасно.

— Редкий яд в виде бесцветной безвкусной жидкости. Хватит трех капель, чтобы убить человека, и пяти — дракона, — ответил Эштан, не отпуская руку Белль. — Его называют жидким проклятием.

— Что же теперь делать? — нервно спросила старшая придворная дама Белль. Она держалась спокойно, а остальные дамы плакали, закрывая лицо руками. — Нужно срочно вести ее в столицу!

— Мы не успеем, — нахмурился Эштан. — Есть не боль-

ше получаса, чтобы сделать противоядие.

— Вы сможете его сделать? — тревожно спросил маг. — Это противоядие третьего класса, его сложно делать.

— У меня есть все необходимое в лаборатории.

— Помощь будет нужна?

— Да, идемте со мной. Потребуется светлая магия. Скорее.

И Эштан подхватил Белль на руки, осторожно прижимая к себе.

— Хорошо, не станем медлить, — принял решение капитан. — Ваше высочество, с вами пойдет несколько моих людей.

Эштан кивнул.

— Но противоядие должны делать лекари! — решительно возразила Фэйра. — Мы срочно должны отправляться в столицу. Как старшая придворная дама, я считаю...

— Мне плевать, что вы там считаете, — перебил ее капитан. — Решения о безопасности невесты принца принимаю я.

— Но... — попыталась возразить ему Фэйра.

— Молчать! — грозно оборвал ее капитан. — Выполняйте то, что я сказал.

— Никого не выпускайте. Тот, кто отравил Белль, находится в замке. У этого человека должна быть особая ампула для переноса яда — из толийского стекла. Если яд попал на кожу — будет ожог. Если на ткань — останутся следы. Най-

дите того, кто это сделал, — велел Эштан капитану и в сопровождении нескольких гвардейцев покинул столовую. От Реджины не укрылось, как сын вновь глянул на девчонку, — с неожиданной заботой. Неужели и правда спасет ее? Или?..

Придворные дамы кинулись следом, но оставшиеся гвардейцы и присоединившаяся к ним замковая стража не дали им этого сделать. Они никого не собирались выпускать. Крики и угрозы высокородных на них не действовали.

— Прошу вас соблюдать спокойствие, — велел капитан. — Мы связались с имперскими дознавателями. В скором времени они прибудут в замок, чтобы опросить каждого присутствующего.

Реджина услышала это, и у нее подкосились ноги — компаньонки вовремя успели подхватить ее под руки. Как же так? Почему ее прекрасный благотворительный прием закончился таким позором? Какого эйха невесту принца решили убить именно в ее замке? И кто посмел это сделать? Кто посмел бросить тень на ее репутацию?

— Святые духи, боюсь представить, что завтра будет написано в газетах, — прошептала Реджина, держась за виски. — Какое бесчинство, какая низость!

Она обвела гостей усталым взглядом — все они были недовольны, и это мягко сказано! Приехали на светское мероприятие, а оказались подозреваемыми в отравлении! И кому из них только в голову пришло это сделать? Реджина, разумеется, выступила перед гостями и дрожащим голосом

попросила прощения за неудобства. Пообещала, что вскоре все прояснится, картинно поплакала, выжимая из сухих глаз слезы, и вместе с компаньонками отошла в самый конец огромного зала. Она глянула на перепуганных придворных дам Белль — Фэйра единственная сохраняла спокойствие. Стояла, скрестив на груди руки, и о чем-то думала, тогда как стоявшая рядом с ней молоденькая девушка плакала, по-детски закрывая лицо ладонями. А потом, утерев слезы, сделала несколько осторожных шагов назад и скрылась за спинами остальных дам.

«Сделаю все, как вы велели, госпожа», — всплыли в голове Реджины слова компаньонки. И ее вдруг осенило. А что, если это старшая придворная дама отравила Белль? О Фэйре по всему дворцу ходили не самые приятные слухи. И как ее только во дворце держали? Должно быть, именно поэтому она противилась предложению Эштана и хотела увести Белль в столицу. Надеялась, что по пути та умрет. Расчетливая стерва! Наверняка в ее планы не входило то, что Эштан отлично разбирается в ядах.

Обдумав ситуацию, Реджина подошла к капитану и тихо сказала:

— Проверьте старшую придворную даму Белль. Моя компаньонка слышала подозрительный разговор.

Почти одновременно к капитану подошел один из гвардейцев.

— У нас есть свидетельница, которая видела, как старшая

придворная дама избавилась от подозрительной ампулы, — сообщил он тихо.

У Реджины округлились глаза. Значит, она права! Мерзавка Фэйра отравила свою госпожу!

— Нам нужно помещение для допроса, ваше высочество, — перевел взгляд на герцогиню капитан.

— Используйте мой кабинет — он как раз неподалеку, — сказала она. — Вы ее арестуете?

— Нет, пока только задержим, — ответил капитан. — Нужно получить доказательства.

Реджина видела, как к Фэйре подошли двое гвардейцев и аккуратно, не привлекая всеобщего внимания, вывели из зала. Она будто сразу все поняла, и окаменела, но вырываться и кричать не стала. Напротив, дала себя увести.

— Что происходит? — спросила Реджину Этель. Судя по выражению лица, племянница была недовольна. А глаза у нее были красными — словно она плакала.

— Скоро узнаем, — загадочно ответила Реджина.

— Не ты ли отравила Белль, дорогая тетушка? — вдруг выдала принцесса. — Ах да, разумеется, я шучу.

— А я думала, ты, — в тон ей ответила Реджина. — Конечно же, и я тоже шучу.

— Видимо, чувство юмора у нас в крови, — холодно улыбнулась Этель. — Может быть, я та еще мерзавка, но не убийца. Кстати, хочешь еще одну шутку? Может быть, отравитель тот, кто влюблен в Белль? Он спасет ее и станет геро-

ем. И тогда, может быть, она вновь вернется к нему...

— У вас запредельное чувство юмора, дорогая племянница, — вздохнула Реджина. — Если вы намекаете на Эштана, вынуждена огорчить — это не он.

— А кто же?

— Скоро узнаем, — повторила герцогиня и, больше не говоря мерзкой племяннице ни слова, ушла.

На сам допрос Реджину не пустили, несмотря на то, что она была хозяйкой замка. Но герцогиня не зря разрешила гвардейцам использовать собственный кабинет. Туда из ее спальни вел тайный ход, и она тотчас воспользовалась им, чтобы подслушать. Реджина резво спустилась по узкому проходу и замерла у стены с глазком, который снаружи был замаскирован живописью на стене.

Она жадно прильнула к глазку и увидела Фэйру, сидевшую на стуле перед капитаном. Плечи ее были гордо расправлены, глаза горели ненавистью.

— Повторяю еще раз: это не я, — злым голосом говорила Фэйра. — Я не имею отношения к отравлению. Я ничего не делала.

— С кем вы связывались при помощи артефакта? — спокойно спросил капитан. Он явно не надеялся на быстрое признание.

— Какого артефакта? — вздрогнула Фэйра.

— Который у вас на шее. Не стоит со мной играть. Предлагаю сотрудничать. Снимайте кольцо. Или это сделают мои

люди.

— Вы не посмеете касаться дамы своими грязными руками, — ответила Фэйра.

— О нет, посмеем, — усмехнулся капитан. — Если речь идет о измене короне.

— Я? Изменяю короне? — расхохоталась старшая придворная дама. — Да во дворце нет никого преданнее меня!

— Колье, — одним словом велел капитан.

Фэйра усмехнулась и сняла украшение с шеи. Будто знала, что как только оно попадет в чужие руки, один из камней вспыхнет и растворится в воздухе, оставив пустую оправу. Артефакт самоуничтожился.

— И как это понимать? — рассердился капитан.

— Как хотите, — дернула плечом Фэйра. — Последний раз говорю — я не имею отношения к отравлению.

— Тогда это что? — в руке капитана как по мановению появилась прозрачная банка, в которой лежало что-то едва заметное. Реджина даже не сразу поняла, что.

— Откуда мне знать? — с презрением спросила Фэйра.

— Я подскажу, — любезно ответил капитан. — Это ампула, в которой хранился яд.

— И какое отношение это имеет ко мне?

— Кое-кто видел, как вы прятали его в одной из ваз. Избавлялись от улики. И несколько капель пролили себе на платье.

— Серьезно? — расхохоталась Фэйра. — И кто же видел

меня, позвольте узнать?

— Имя пока не разглашаем, — было ей ответом.

— Слушайте меня внимательно капитан. Слушайте и запоминайте. Меня оклеветали. Должно быть, тот, кто сделал это, и есть настоящий отравитель, — прошипела старшая придворная дама. — Немедленно отпустите меня! Вы разве не понимаете, *кто* я такая?

— По-моему, это вы не понимаете, *что* совершили, — грохнул кулаком по столу капитан.

Признаваться Фэйра не желала и вела себя дерзко. Будто была уверена, что ее вину никто не докажет. Реджине в какой-то момент самой начало так казаться — пока в кабинете не появился маг. Он о чем-то переговорил с капитаном, а после обратился к Фэйре, которая смотрела на него с презрением.

— Госпожа, свидетель утверждает, что вы пролили немного яда себе на юбку, когда прятали ампулу.

— Я ничего не прятала! — выкрикнула старшая придворная дама, начав нервничать. Реджина заметила, как забегали у нее глаза.

— Дело в том, что «Дыхание бабочки» оставляет на ткани определенный магический след. Его легко можно отыскать, применив простенькое заклинание.

— И что? — по-змеиному взглянула на мага Фэйра.

— Я предлагаю вам согласиться на эксперимент в присутствии понятых, разумеется, чтобы вы могли доказать свою

невиновность и опровергнуть слова свидетеля, — продолжил капитан.

Фэйра вдруг расхохоталась, откинув голову назад.

— Не собираюсь!

— Почему же?

— Потому что меня подставили. Вы наверняка что-то найдете. Иначе не говорили бы с такой уверенностью. Кто этот свидетель, капитан? Скажите мне, кто? Хочу посмотреть ему в глаза... Вернее, ей. Это ведь кто-то из моих придворных дам, не так ли? Решили подставить меня... Предательницы... Ненавижу... — зашептала Фэйра, и Реджина хмыкнула — должно быть, она начала сдавать позиции.

— Значит, вы отказываетесь? — спросил капитан хищно.

— Именно, — гордо ответила старшая придворная дама.

— Этим самым вы бросаете на себя еще большую тень. К тому же нам придется заставить вас сделать это. Надеюсь, вы это понимаете?

— Я понимаю, что меня подставили! Я бы не стала убивать эту дев... Госпожу Изабелль, — поправились Фэйра.

— Проведем эксперимент и убедимся в этом. Или в обратном, — хмыкнул капитан и вызвал одного из гвардейцев. — Привести понятых. Во-первых, герцогиню как хозяйку дома, во-вторых, нескольких влиятельных гостей. Дело серьезное.

— Слушаюсь! — отчеканил гвардеец и выскочил из кабинета.

Реджина же, услышав свое имя, со всех ног помчалась на-

верх, в спальню. И когда в ее двери постучались, она чинно сидела за столом, делая вид, что разбирает корреспонденцию.

Спустя десять минут она и несколько высокородных уже находились в кабинете. Они сидели на мягких диванчиках, а побледневшая Фэйра, сжав губы, стояла у окна между двумя гвардейцами. Она пыталась держаться, выглядеть смелой, но Реджина видела, как нелегко ей это дается.

Маг начал эксперимент — взмахнул рукой, шепча слова заклинания, и старшую придворную даму окутало сиреневое облачко, которое, впрочем, стало быстро таять в воздухе. Присутствующие дружно ахнули — на ее светлом строгом платье появились алые следы. Сначала они были почти незаметными, однако с каждой секундой разрастались все больше и больше, и вскоре стало казаться, что ее платье заляпано кровью.

— Что и требовалось доказать, господа, — провозгласил капитан. — Уважаемые понятые, вы можете наблюдать на ткани следы от яда «Дыхание бабочки». Госпожа Фэйра Эй-тил, вы официально обвиняетесь в покушении на убийство Изабель Ардер.

Старшая придворная дама стиснула кулаки и яростно что-то зашипела, но что именно, Реджина не поняла — Фэйру силой увели прочь. Герцогиня улыбнулась. Обвиняемый был найден. Это все значительно упрощало. Главное, чтобы девочка осталась жива.

Глава 7

Тонкие пальцы Эштана коснулись золотисто-пшеничных волос Белль, разметавшихся по подушке. Глаза ее были закрыты, под ними залегли глубокие тени. Длинные изогнутые ресницы подрагивали.

— Противоядие подействовало? — тревожно спросил маг, и Эштан отдернул руку. Не хотел касаться девушки при посторонних, о которых уже совершенно забыл.

— Должно было, — отрывисто ответил Эштан. — Нам остается лишь ждать.

— Что будет, если ее невеста принца не придет в себя? — вздохнул маг. — Должно быть, нас всех ждет наказание. Как же гвардейцы ничего не заметили? И замковая охрана... Да и я... Но магического вмешательства не заметил, смею сказать. Что же делать? Император, должно быть, всех нас на рудники отправит...

— Время ли думать о себе? — резко повернулся к нему Эштан. Его опалило яростью, и она вспыхнула в его глазах так ярко, что маг опешил.

— Простите, ваше высочество, — поклонился он тотчас, понимая, что сболтнул лишнего. — Я взволнован, а потому говорю чушь. Разумеется, больше всего я переживаю за жизнь ее милости.

— Принесите звездной воды, — велел Эштан. Его раздра-

жала болтовня.

— Да-да, сейчас!

Маг исчез, а Эштан склонился над лежавшей без сознания Белль. Даже во сне она была хороша собой. Он убрал с ее щеки прилипшую прядь волос и, на мгновение потеряв самообладание, коснулся краешка приоткрытых губ.

— Все будет хорошо, — тихо сказал он, проводя пальцем прямую линию по нижней губе. — Обещаю.

Он убрал руку, понимая, что не должен делать этого, и прикрыл глаза, вспоминая сегодняшний вечер.

Эштан следил за Белль. Осторожно, стараясь не привлекать внимания. Он и в замок Семи ветров приехал для этого — чтобы увидеть ее. Эштан и сам не понимал, почему так много думает о ней. Почему вспоминает запах ее волос. Летний, теплый, солнечный. И блеск зеленых глаз — широко распахнутых, наивных, но с хитринкой. Таких глаз не бывает у тех, кто живет во дворце. Таких глаз он никогда не встречал у темных. Вместо тьмы в них всегда был свет. Только при этом тьму Белль Эштан чувствовал изначально. Он встретил ее раньше, чем Даррел. Только тот снова отнял то, что принадлежало ему.

Не выдержав, Эштан все же пригласил Белль на танец — так сильно хотел прикоснуться к ней. Ему хотелось прижать ее к себе, обнять, зарывшись носом в волосы, дотронуться до нежного лица, однако он сдерживался и вел себя так, как и полагается вести высокородному. Эштан думал, что после

танца желание касаться Белль пропадет хотя бы ненадолго, однако оно лишь усилилось. Он скучал. Он действительно очень скучал по ней.

Когда Белль упала, Эштан кинулся к ней без раздумий, хотя это могло вызвать подозрения. Но об этом ли он думал, видя, что она умирает? Белль была словно сломанная кукла, которая угасала с каждым мгновением.

Он сразу понял, что это яд. «Дыхание бабочки», жидкое проклятие. Один из немногих ядов, которые могли подействовать на драконов. Без запаха, вкуса и цвета. Идеальное орудие для убийства. Яд делали из сушеных крыльев редкого вида бабочек в одной из горных провинций империи Шио. И долгое время он был секретом Прозрачных теней — клана наемных убийц. «Мао» — так называли их на языке ши. Именно таким ядом была отравлена императорская семья около трехсот лет назад, когда во время войны между Вечной империей и Шио убийцы проникли во дворец. Лишь младший принц, которому на тот момент не было еще и десяти лет, остался в живых — слишком мало яда попало в его организм. Лучшие лекари и маги империи бились почти сутки, чтобы создать противоядие третьего класса — самого высокого и сложного. Принца удалось спасти, и род Ледяных драконов не прервался. Рецепт противоядия был сохранен, и Эштан нашел его в закрытой императорской библиотеке, когда искал литературу по редким ядам.

— Что со мной? — Белль вдруг открыла глаза, и Эштан

на мгновение задержал дыхание — они не были зелеными. Они пылали огнем. А зрачки стали вертикальными. Такие глаза могли быть только у драконов.

— Все хорошо, ты в безопасности, — тихо сказал Эштан.

— Что случилось? — Девушка попыталась сесть, но он не дал ей этого сделать, и Белль снова опустилась на подушку.

— Тебе стало плохо. Ты потеряла сознание. Но сейчас тебе уже лучше.

— Возьми меня за руку, — попросила Белль, прикрыв пылающие глаза, и Эштан тотчас выполнил ее просьбу. Ее пальцы оказались холодными, как лед.

— Поспи немного. Тебе нужно отдохнуть.

— Хорошо. Только не отпускай мою руку, — прошептала Белль, засыпая вновь. — Не отпускай мою руку, Даррел.

Она погрузилась в сон, а на лице Эштана появилась кривоватая улыбка. Даррел. Белль увидела в нем Даррела.

Противоядие подействовало. Дыхание Белль становилось ровнее, цвет лица — лучше, а тело — теплее. Жизнь наполняла ее все больше, и к тому моменту, как в замок Семи ветров прибыли маги и лекари из дворца, она была в безопасности. Они осмотрели Белль и приняли решение перевезти ее обратно в Небесный дворец, чтобы она находилась под их контролем. И, конечно же, поразились мастерству Эштана.

— Вы совершили невозможное, ваше высочество, — сказал главный придворный маг с почтением. — Редко юноши вашего возраста знают о существовании «Дыхания бабоч-

ки». А еще реже — знают, как приготовить противоядие.

— Мне повезло, что я интересовался этим, — ответил Эштан.

— Всем повезло, — добавил седовласый маг из Высшего магического совета, который также прибыл в замок. — Если бы Изабель умерла, случилось бы непоправимое.

Дальше продолжать он не стал, замолчал, рассматривая спящую девушку, и между его бровей залегла глубокая морщина. О чем он думал, Эштан так и не понял.

— Очень удобно быть спасителем, верно? — раздался рядом с ним звонкий голос принцессы Этель.

— Не совсем понимаю вас, сестра, — бесстрастно ответил Эштан.

— Сначала отравил, потом спас. Стал героем. И в ее глазах. И в глазах всех остальных. Ловко, — ухмыльнулась Этель.

— Как вам известно, это не я отравил Белль.

— Да, так я и поверила.

— Вас не смущает, что доказательства указывают на ее старшую придворную даму? — раздраженно поинтересовался Эштан.

— Ты подкупил ее. Ну, или подставил, — не отставала принцесса. — Да, ты будешь героем, только я-то знаю, какой ты на самом деле. Тьма в тебе не спит, верно?

— Тьма во мне и не засыпала, — улыбнулся он, оставаясь все таким же спокойным, что всегда раздражало Этель. —

А что не спит в вас, дорогая сестра? Вы всегда так недружелюбно настроены по отношению ко мне. Чем я заслужил это.

— Думаешь, я не знаю про тебя и Еву? — тихо, но с вызовом спросила Этель. — Я видела вас вместе на балу в честь Белль. Ты ведь был без ума от Евы. С ума сходил, наверное, когда узнал, что она с Даррелом. А потом решил забрать себе?

Эштан склонился к ней. И прошептал, чтобы никто не слышал:

— Думаешь, я не знаю про тебя и твои вылазки из дворца в мужской одежде? Про то, как ты встречаешься с мужчиной, скрывая свою личность?

Этель вспыхнула.

— Молчи и не зли меня, сестра, — продолжал Эштан. — Иначе твои маленькие секреты раскроются. Будь тихой и почтительной со мной. Не то я рассержусь. Поняла?

— Придурок, — прошипела Этель и, резко развернувшись на каблуках, ушла.

Через час замок Семи ветров опустел. Гости спешно покинули его, судача о том, что произошло. Маги и гвардейцы улетели вместе с принцессой и все еще спящей Белль. А Эштан направился в свои покои — усталый и разбитый. Однако едва он упал на кровать, не снимая одежды, как в окно раздался стук. Эштан открыл его, впустив в спальню вместе с ветром птицу — небольшую, с изогнутым клювом. Это был чернокрыл, редкая магическая птица, которую обычно

использовали для доставки почты. Эштан протянул руку, и чернокрыл сел ему на предплечье, уставившись на него золотистыми маленькими глазами-пуговками.

— Пар-р-роль, — проскрипела птица, и Эштан нарисовал в воздухе магический знак — если бы он не сделал этого, послание бы уничтожилось. А затем снял с лапки чернокрыла капсулу с запиской.

«Жду тебя там же, где и всегда. Ночью. И не забудь то, о чем я просила. Твоя любящая мать», — было криво выведено на бумаге. На лице у Эштана появилось отвращение. Любящая мать. Смешно.

Вскоре Эштан покинул замок Семи ветров. Официально он возвращался в столицу, потому что должен был продолжить обучение в академии магии. Однако прежде чем попасть в Эверлейн, он оказался в одном из самых злочных районов города — Яме. Яма казалась настоящим черным пятном на карте прекрасной столицы. Это были трущобы северной окраины, в которые добропорядочные граждане старались не соваться, а полицейские патрули не ходили по одному. В Яме жили по своим законам, и зачастую эти законы не совпадали с общеимперскими, а чужаков тут не любили — да настолько, что готовы были всадить нож в сердце. Сердце Ямы было прибежищем преступников всех мастей, и притонов тут было не меньше, чем дорогих ресторанов на Золотой улице. Однако и бедняков, которым некуда было больше деться, здесь хватало. Одни ютились в жалких лачугах с кар-

тонными стенами и низкими давящими потолками, другие и вовсе на улице.

Была промозглая зимняя ночь — часы перед рассветом. Снег прикрыл мусор, разбросанный по разбитым дорогам. На обочинах горели костры — так бедняки пытались согреться в холод, а потому пожары в Яме были частым делом. Лачуги горели целыми кварталами, однако на их месте тотчас вырастали новые. Эштан шагал по узким вонючим улицам, низко надвинув капюшон и держа в руке меч. По городу нельзя было ходить с обнаженным оружием, однако в Яме были иные порядки. Мечи и ножи были залогом безопасности. Немногие в здравом уме нападут на вооруженного воина, чтобы поживиться содержимым его карманов. Скорее, нападут на тех чужаков, которые столь беспечны, что не позаботились о собственной безопасности.

В Яме Эштан бывал нечасто. И только потому, что тут пряталась мать и другие последователи культа Темного бога. В Яме находился его тайный храм — он прятался под руинами полуразрушенного здания, и попасть внутрь мог далеко не каждый. Здесь не приносились жертвы, как в Забытом храме Темного бога, а скрывались от властей. На жрецов Кштари шла охота, а потому приходилось соблюдать безопасность.

Эштан скользнул к руинам, коснулся рукой выступающего камня и прошептал тайные слова на древнемагическом. Одна из заснеженных плит в земле медленно отъехала в сторо-

ну, открывая проход, ведущий вниз. Эштан спустился и оказался в помещении с кирпичными облезлыми стенами, тускло освещенными магическим огнем. Пахло терпкими благовониями и чем-то едва заметным, сладковатым и тошнотворным.

Его уже ждали — угрюмый бородатый колдун, который забрал меч и молча проводил его к матери. Они шли по подземному коридору с дверями, и Эштан случайно заглянул в приоткрытую. Он увидел нескольких девушек, и одну из них узнал, однако не подал вида. И пошел следом за провожатым в крохотную душную комнатенку с тяжелым воздухом. Мать сидела перед каменным идолом, символизирующим Темного бога и что-то шептала. Эштан встал напротив и замер.

— Принес? — не поднимая глаз, спросила мать. Эштан молча положил перед ней сверток с редкими компонентами для зелий. Некоторые из них были не только редкими и дорогими, но еще и запрещенными. Например, крошка из костей мантикоры или глаза василиска. Эштан купил их на рынке Змей и Костей. Потому что она ему так велела. Его мать.

— Молодец, мой малыш. Ты очень послушный. В отличие от своего отца.

— Это комплимент?

— Это факт.

Ведьма вскочила на ноги и встала напротив. Алые глаза, обрамленные пепельными ресницами, впелись в его лицо. Когда-то мать была хороша собой, однако теперь все изме-

нилось. И дело не в шраме, что тянулся через ее лицо. А в пугающем безумии в глазах.

Когда Эштан был маленьким и считал матерью Реджину, он понимал, что та не любит его. И думал, что сам виноват в этом — слишком плохо себя ведет. А когда в порыве пьяной ярости Реджина призналась, что она ему не настоящая мать, даже обрадовался. Решил, что однажды настоящая мама придет за ним. И тогда она будет любить его, так же как Даррела любит императрица.

Настоящая мама действительно пришла, но разве мог он подумать, что она окажется ведьмой? В ту ночь, когда она оказалась в его спальне, он испугался ее — настолько, что стал заикаться. А потом... потом привык. Привык к ее пугающему виду, к алым глазам, тянущемуся через все лицо шраму, смеху, от которого по спине ползли мурашки. Она учила его познавать тьму. И рассказала правду о том, кто он на самом деле.

— Осталось немного, сын мой, — сказала мать, похлопав Эштана по щеке. — Потерпи, и ты получишь все.

— Что все?

— Все, что я тебе обещала. Корону. Власть. Силу.

— А если я не хочу? — спросил Эштан устало.

— Какой ты смешной! Подумать только — не хочет стать следующим императором! — залилась смехом мать. — Какой ты у меня глупый!

— Я действительно не хочу.

Ее смех оборвался так же внезапно, как и возник. Цепкие пальцы с длинными загнутыми ногтями ухватили Эштана за подбородок и крепко сжали.

— Ты на него не похож, малыш. Совсем другой. Вместо льда — тьма. Вместо гордыни — хитрость. Вместо желания власти — глупость.

— Не хотеть власти — быть глупым, мама? — насмешливо спросил Эштан.

Вместо ответа ведьма ударила сына по щеке. Она была болезненно-худой, а ее рука — тонкой, но силы в ней было больше, чем у обычного человека. Эштан едва устоял на ногах, а мать схватила его за волосы и заставила склониться к своему лицу.

— Ты не похож на него. Но хочешь или нет, в тебе течет его кровь. — Ты — старший сын императора. Ты должен занять престол следующим, а не тот мальчишка. Ты! Ты! Это ты! Я родила тебя в муках, а ты смеешь мне дерзить! Слушай и запоминай. Император будет свергнут. Ты станешь его наследником. Хозяином этой проклятой империи. А потом — и всего мира. Ты станешь третьим после Темного бога и его сына, когда тьма захватит этот мир.

Ее глаза заискрились безумием. Эштана охватило отвращение, но он не сопротивлялся. Мать отпустила его и, тяжело дыша, отступила назад.

— Ты должен убить своего отца, — бормотала она. — Отомстить за его предательство. Забрать силу Ледяного дра-

кона. Должен... Должен... Понимаешь меня, малыш?

— Да, — прошептал Эштан.

— Ты сделаешь это?

— Да, мама.

Ведьма успокоилась. Взлохматила темные, с проседью волосы. Потерла лицо, обтянутое сухой кожей.

— Знаешь, малыш, а ведь он тебя по-своему любит, — вдруг сказала она почти нормальным голосом.

— С чего ты взяла? — вырвалось у Эштана.

— Он пожалел тебя. Не убил. А отдал на воспитание сестре. Принимает во дворце. Твой дорогой папочка чувствует вину. — Губы ведьмы расплылись в довольной улыбочке. — И эта вина в итоге убьет его.

— Как знать, — пожал плечами Эштан.

— Вот новый список, — протянула ему сложенную в несколько раз бумажку ведьма, резко переменившись в настроении. — Достань все, что там написано. Срок — неделя.

— Понял.

— И добудь информацию о пророчице Алтее, — вдруг велела мать. — Где ее держат имперские псы.

— Зачем? — удивленно спросил Эштан.

— Один из информаторов во дворце сообщил, что Алтея располагает важными сведениями, которые могут помешать нашим планам, — туманно ответила ведьма. — Добудь все, что сможешь. Иди.

— Постой, у меня есть вопрос. — Эштан взглянул в лицо

матери, спрашивая о том, что больше всего его сейчас волновало. — Это вы отравили невесту принца?

— Что? — похоже, искренне поразилась мать. — Девка подохла? Свадьбы не будет?

— Нет, она жива.

— Жаль-жаль. Нет, мы этим не занимались. Зачем тратить силы на такую мелочь, если есть более важные цели, сынок? — хохотнула ведьма. Она потрепала его по волосам, заставив крепко сжать зубы, и повела к выходу.

— Тебе пора, малыш. Нельзя долго здесь оставаться.

Они вышли из комнатушки и по коридору направились к выходу. Мимо них прошел молодой мужчина в плаще с капюшоном, скрывавшим лицо — видно было только глаза. Эштан встретился с незнакомцем взглядом, и его будто факелом ударило. Дыхание перехватило, виски сжали невидимые обручи, в глазах потемнело. От незнакомца исходила мощная сила. Темная сила. Опасная. Эштан никогда в жизни не встречал такую. Даже сам император казался в разы слабее, а ведь он считался одним из самых сильных в мире.

Мать торопливо поклонилась и заставила Эштана последовать ее примеру. Не глядя на них, незнакомец степенно удалился, и они остались вдвоем.

— Кто это? — удивленно спросил Эштан.

— Один из новых жрецов, — нервно ответила мать. — Тебе незачем знать, малыш.

— Я почувствовал его силу. Невероятная. Кто он? — по-

вторил Эштан.

— Я же сказала — незачем тебе знать! — прикрикнула на него ведьма.

— Как же тогда имперские ищейки не находят это место? Отсюда должно фонить темной магией.

— Нас охраняют мощные защитные артефакты из мира демонов. Никто не сможет нас обнаружить. Иди.

Не прощаясь, Эштан забрал меч и поднялся наверх. Проход закрылся, а парень с размаху ударил кулаком по стене. Затем, сдерживая накипевшую ярость, направился прочь от этого места, которого сторонились даже местные. Меч он предусмотрительно держал в руке.

Близился рассвет, но над Ямой все так же ходили темные тучи. Костры вдоль улиц догорали, и казалось, что в густых тенях прячется само зло. Эштан быстро шагал по пустой дороге, однако в какой-то момент услышал детский плач. Он остановился, огляделся по сторонам и увидел какую-то женщину в лохмотьях, за которую цеплялись двое детей — они ревели, а мать, прижимая их к себе, пыталась успокоить. Однако и ее изможденное лицо было в слезах.

— Что случилось? — спросил Эштан. Увидев оружие в его руке, женщина тотчас попятилась назад, закрывая собою детей. Лицо ее было испуганно.

— Прошу, господин, не надо, — забормотала она. — У нас ничего нет, господин, мы просто шли мимо... Прошу, не трогайте нас!

— Я не собираюсь вас трогать, — нахмурился Эштан, поняв, что женщина боится меча и отводя его в сторону. — Что с вами случилось? Говори же, ну!

— Мой муж погиб, а его брат выгнал нас с детьми из дома, — ответила она дрожащим голосом. — Прошу вас, господин, пощадите нас. У нас совсем ничего нет...

Должно быть, она приняла его за разбойника. Эштана изнутри кольнуло неприятное чувство. Ему было все равно, когда о нем судачили высокородные или боялись в академии другие адепты. Но страх в глазах этой женщины злил и страшил одновременно. Будто он чудовище какое-то.

Эштан достал деньги — несколько обычных монет по двадцать и пятьдесят крон, а потом еще несколько золотых. Для него это была пыль, а для нее — целое состояние.

— Руку, — велел он. Она со страхом протянула ладонь, и он ссыпал в нее монеты. А после велел: — Спрячь. И уходи отсюда. Поняла меня?

— Поняла, господин, — зашептала женщина, зачарованно глядя на деньги. — Это все мне, господин? Неужели вы...

— Да, бери и уходи, — перебил ее Эштан. — Начни новую жизнь, но не в Яме.

— Как ваше имя, господин? — сквозь слезы спросила женщина. — Я буду молиться за вас всем светлым богам!

Но Эштан ничего не ответил. Просто пошел дальше. Несколько раз ему встречались жители Ямы — в основном, пьянчуги, горланящие песни, однако, видя меч в его руке,

они замолкали и жались к стенам убогих домов. Остановившись в одном из переулков, Эштан заметил крепких мужчин — судя по всему, членов какой-то местной шайки. Они весело тащили в один из домов мешки, возможно, с награбленным добром. Выяснять Эштан не стал. Просто стоял в густой тени и ждал. Он знал, что она вскоре появится — та, которую заметил в храме Темного бога, заглянув в одну из приоткрытых дверей. Эштан ждал Еву, и она появилась в переулке спустя несколько минут. Он узнал ее по фигуре и по походке, хотя девушка была закутана в темный плащ.

— Стой, — перегородил он ей дорогу, и Ева тихо выдохнула слова проклятия, не сразу поняв, что перед ней Эштан.

— Ты? — изумленно спросила она. — Откуда ты взялся, эйх тебя побери!

— Был там же, где и ты, — усмехнулся он и спросил: — С ума сошла?

— С чего вдруг? — дерзко спросила Ева.

— Ты одна ходишь по Яме, — нахмурился Эштан. Его действительно это беспокоила.

— Ты тоже.

— Я мужчина.

— А я женщина, которая умеет постоять за себя. Дай пройти.

— Идем вместе, — решил Эштан.

— Вместе опасно. Могут заметит, — прошипела Ева.

— Выйдем из Ямы и разойдемся, — пообещал Эштан. —

Иди за мной.

— Это ты иди за мной, — фыркнула она и, гордо расправив плечи, двинулась вперед. А Эштан — следом. Они знали друг друга с детства, и она была его первой любовью. Разве он мог перестать беспокоиться за нее?

— Не думал, что ты пойдешь на это, — тихо произнес Эштан.

— На что? — выдохнула она.

— На то, чтобы стать жрицей.

— У меня не было выбора, — повернулась к нему Ева. — Понимаешь?

— Понимаю, — ответил Эштан.

— Тогда заткнись. И иди молча, — приказала девушка.

— Люблю, когда ты злишься, — усмехнулся он.

— А я люблю, когда ты молчишь, — парировала она.

— В ночь бала тебе нравилось не только это, — заметил Эштан, и Ева от неожиданности остановилась — он едва не врезался в нее.

— Не вспоминай об этом! — злым голосом попросила она.

— Не думаю, что ты можешь мне запретить, — рассмеялся он.

В ночь бала, устроенного в честь Белль, Ева, выпив лишнего, сама пришла к Эштану. Нашла и села рядом. Сначала плакала, закрыв лицо ладонями, а потом вдруг поцеловала, запустив пальцы в его распущенные пепельные волосы.

И целовала так, что вскружила ему голову. Самозабвенно и горячо. Настойчиво. Ее губы были мягкими и податливыми, а язык приятно горчило выпитое вино. Ева льнула к Эштану, ища утешения в объятиях, и он не мог отказать ей в этом — сам нуждался в тепле и ласке. Хотя бы на одну ночь. Из-за грядущей свадьбы оба лишились тех, кто был им нужен. Они не могли отпустить друг друга, прячась от всего мира за шторкой в полутемном зале.

— Слышала, Белль отравили, — сказала вдруг Ева. — В замке твоей матери. Правда ли это?

— Правда, — чуть подумав, ответил Эштан. Совсем скоро это станет известно всем — наверняка в каждой газете будут статьи про отравление. Да и рты всем приглашенным высокородным не заткнешь.

— И кто это сделал? — спросила девушка. — Не ты ли? Эштан рассмеялся.

— Ты не первая, кто меня в этом обвиняет.

— Просто я знаю твою любовь к ядам.

— Я не травил Белль. Я ее спас.

— Очень разумно — хмыкнула Ева. — Мог бы и посто-
ять в сторонке. Ах, да, ты же влюблен в нее. Кстати, поче-
му? Чем она тебя так привлекла? Да, хорошенькая, но... Что
еще, кроме этого?

— Тьма, — было ей ответом.

— Иногда я жалею, что во мне ее нет, — вдруг призналась
Ева.

— Почему же? — удивился Эштан.

— Так проще. Быть темным с самого рождения. Это предопределение, с которым можно не бороться.

— Ты стала жрицей Темного бога и все еще не считаешь себя темной? — позволил себе кривоватую улыбку Эштан. Ее выбор его тревожил. Это было слишком глупо. Рано или поздно правда вскроется. И что тогда? Смертная казнь.

— Не считаю, — ответила Ева с презрением. — Мне пришлось это сделать. Ни больше, ни меньше. И не потому, что я так хотела, а потому что должна была спасти своих близких.

— Расскажи подробнее, — схватил ее за руку Эштан.

Но Ева, поняв, что сказала лишнее, высвободилась и молча зашагала дальше. Он не мог видеть ее лицо, но ему казалось, что девушка плачет, и из-за этого на сердце было нелегко.

Территорию Ямы они покинули молча и почти без приключений. Правда, в какой-то подворотне на них попытались напасть какие-то люди, решившие, что перед ними легкая добыча. И поплатились — меч Эштана и магия Евы сделали свое дело.

— Думаешь, тьма действительно скоро придет? — спросила Ева, прежде чем они попрощались. В ее голосе промелькнул страх.

— Да. Это лишь вопрос времени. Будь осторожна. И если что-то случится, всегда можешь рассчитывать на меня.

Больше ничего не говоря друг другу, они разбежались в

разные стороны, чтобы днем встретиться в академии, как два прилежных адепта, а не как жрица Темного бога и сын ведьмы, нарушающие закон империи.

Глава 8

Мне снилось, будто я мчусь по золотистому небу. Рассекаю облака, наслаждаюсь прохладой и ветром. Я дракон, наполненный тьмой и огнем. Я стрела, пронзающая небо. Я сила. И магии во мне столько, сколько никогда прежде ни в ком не было. Я способна на все.

Впереди появляются горы — заснеженные вершины манят меня, и я лечу к ним, точно зная, что мне нужно попасть на самую высокую. Я опускаюсь на слепящий глаза снег, не чувствуя холода, и из меня вырывается темный огонь. Неподалеку виднеется вход в пещеру. В одно мгновение я трансформируюсь — превращаюсь в человека и в пещеру захожу как обычная девушка. На мне белое платье из грубой ткани и венки из полевых цветов. Я боса, но все так же не чувствую холода.

В пещере я вижу высокого бородатого мужчину в старинном костюме. На его плечах накидка из звериной шкуры. Он смотрит на меня и улыбается. Его улыбка теплая, только мне все равно не по себе. Слишком большая сила исходит от него — она подавляет и мою силу, и силу гор, и силу всего мира.

— Кто вы? — удивленно спрашиваю я.

— Ты не помнишь, но искра вечного света помнит, — странно отвечает мужчина. С нежностью и горечью одновременно.

— Что вы хотите?

— Увидеть тебя и дать совет. Ты была между жизнью и смертью. Жнецы хотели забрать тебя, а тени судьбы уже ждали. Но все обошлось. — Еще один непонятный ответ.

— Я ничего не понимаю.

— Потом поймешь. Будь сильной, Эйана, и не бойся смерти.

— Меня зовут Белль, — возражаю я.

В ответ он улыбается. В его глазах печаль.

— Однажды тебе понадобится моя помощь, дочь моя. Найди это место наяву, а не во сне. Я не возвращаю к жизни мертвых, но еще живых спасти могу.

Взмах рукой — и неведомая сила подхватывает меня, выносит из пещеры и кидает вверх, в холодное темное небо, на котором ярко горит Большое драконье созвездие. И я растворяюсь в звездах...

Я распахнула глаза и первое, что увидела, — потолок собственной спальни во дворце, на который падали нежно-розовые лучи рассветного солнца. Голова была тяжелой, губы — сухими, а по телу разлилась дикая усталость. Будто бы целую ночь копала ямы. На мне не было моего шикарного платья — лишь ночная рубашка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.